

В. А. Шумилов

**ИСТОРИЯ
ГЕОГРАФО-ГЕОЛОГИЧЕСКОГО
ОСВОЕНИЯ
СИБИРИ
И СЕВЕРА
РОССИИ**

Владимир Шумилов

**История географо-
геологического освоения
Сибири и Севера России**

«Языки Славянской Культуры»

2005

Шумилов В. А.

История географо-геологического освоения Сибири и Севера России / В. А. Шумилов — «Языки Славянской Культуры», 2005

ISBN 978-5-9551-0086-5

В книге прослеживается становление горно-геологической деятельности в стране с древнейших времен на фоне географического формирования Российского государства, с акцентом на освоении Севера и Сибири. Показаны особенности, достижения и недостатки в организации эксплуатации недр в различные эпохи: в допетровской России. Российской империи, в Стране Советов и постсоветской Российской Федерации. Рассказано о замечательных людях в этой истории: руководителях высших государственных ведомств и крупных производственных структур, ученых, рядовых геологах и других россиянах – участниках северных, сибирских, дальневосточных экспедиций, открывателях и исследователях новых земель и месторождений полезных ископаемых. Книга излагается общедоступным языком, без углубления в специальную геолого-техническую терминологию, с сохранением, однако, анализа острых проблем новой России. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-9551-0086-5

© Шумилов В. А., 2005

© Языки Славянской
Культуры, 2005

Содержание

Предисловие	8
Что такое Российский Север?	11
Древние народы и горные промыслы Сибири и Севера Европейской России	16
Военные, торговые и промысловые походы россиян в период становления Российской Империи (XI–XVII вв.)	20
Выдающиеся полярные мореходы и землепроходцы России XVIII–XIX веков	36
Путешествия по поручениям Петра Великого	36
Северные, Полярные и Дальневосточные экспедиции XIX века	43
История развития горногеологической службы России и освоение недр европейского Севера и Сибири в XVIII–XIX веках	47
История горного управления и горного законодательства в России	47
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Шумилов

История географо-геологического освоения Сибири и Севера России

Владимир Аввакумович Шумилов, инженер-геолог, участник ряда экспедиций по геологической съемке и поискам полезных ископаемых в заполярной Большеземельской тундре, Приполярном и Южном Урале, Чаткальском хребте Тянь-Шаня, бурения на нефть у борта Ферганской долины и в Татарстане. Работал главным геологом Управлений по повышению нефтеотдачи пластов и капитальному ремонту скважин в Татарстане и Западной Сибири, на Ромашкинском и Самотлорском месторождениях.

Кандидат геолого-минералогических наук, автор многочисленных научных трудов.

В настоящее время работает в ОАО «Российская инновационная топливно-энергетическая компания» (РИТЭК).

«Дерзаниями многих тысяч россиян в прошедшие века пройдены, указаны и осмыслены пути к бесчисленным природным кладовым нашей суровой и необъятной Родины...

Как то распорядятся потомки богатствами ее недр?..

В этом и тяжелый их Крест, их Совесть, в их руках – грядущее Величие России...»

Владимир Аввакумович Шумилов

Предисловие

Предлагаемая «История географо-геологического освоения Сибири и Севера России» – это собрание исторических сведений становления горно-геологической службы в России из целого ряда исторических публикаций, энциклопедических и официальных архивных источников.

Книга воздает дань мужеству, профессионализму, жажде открытий, патриотизму многих поколений россиян – рудознатцев, геологов и географов, чьими трудами на Европейском Севере, Сибири, на Дальнем Востоке, в Арктике была создана и продолжает создаваться богатейшая в мире минерально-сырьевая база страны. В книге прослежена хронология развития важнейших минерально-энергетических комплексов Северных регионов страны.

«У истории, если это не фантазия человека, не может быть автора», – говорит Владимир Аввакумович Шумилов. Себя он считает лишь составителем. При работе над книгой он обращался ко многим источникам, начиная со сведений от Геродота, для которого уже падающие снежинки у Каменного Пояса были дивом, от летописца Нестора и Карамзина...

Будучи геологом, составитель пытается в книге проследить историю своей профессии, отмечая ее первые древнейшие ростки. Знание особенностей камней и горных пород, поиск их по характерным отличительным признакам, особенные приемы и навыки их обработки требовались уже для изготовления каменных орудий в эпоху неолита и бронзы, то есть за несколько тысячелетий до нашей эры. Археологические исследования отвечают с уверенностью, что Сибирь издавна населяли племена, способные находить в окружающей их сибирской же природе полезные камни и руды. Соответствующим образом обрабатывая их, древние мастера сибирские изготавливали необходимые предметы быта и оружие, а к началу XVII в., например, население Томского Приобья уже полностью освоило железоделательное производство, с поставками для артиллерии. Не будь этих рудознатцев, каким образом, по Карамзину, «...восточная страна нынешней Российской Монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжение многих столетий ужасала (бы) Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных... Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки...» и кто снабжал их предметами быта, оружием и снаряжением для охоты и войн?

Геология и география неразрывно связаны между собой. Большинство путешествий, самых известных географических и военных походов и плаваний издавна совершались с целью поиска новых мест и надеждой на открытие там залежей наиболее ценных в то или иное время полезных ископаемых.

Колыбелью горной промышленности в России можно считать Пермский край: с Чусовских городков, с Соли Камской (в 1721 г. в Соликамске насчитывалось уже 12 000 дворов, тогда как, например, в Красноярске только 27 дворов), со знаменитого серебра Закамского, известного по многим летописям... В книге описаны сведения из Карамзина – Нестора о Пермии (Биармии) – независимой стране начала второго тысячелетия новой эры с территорией равной двум Франциям, – объединявшей земли нынешних Пермской области, Архангельской, Республики Коми и части Югры, свободно торговавшей с финнами, с новгородцами, с викингами (норвежцами) и другими народами.

Негодую вместе с Карамзиным против жестокостей в поощрении походов «вольницы» по присоединению новых северных и восточных земель, составитель показывает определенную неизбежность в реальной политике царей. Шел век великих географических открытий – в 1492 г. Христофор Колумб высадился в Америке, в 1497–1499 гг. Васко да Гама открыл морской путь в Индию, шла колонизация европейскими государствами неизвестных им стран и материков. Обо всем этом, без сомнения, рассказывали послы различных евро-

пейских государств на царских приемах. И любого из Российских царей, услышавших все это, мог также захватить вселенский ажиотаж по разделу мира.

От древнейших книга переходит к временам, когда геологической «горячкой» в XVII в. в России были «заражены» буквально все слои и сословия общества. Как сейчас ходят по грибы, так когда-то бродили по местности в поисках выходов руд и редких камней, а первые весьма немногочисленные «организованные» рудознатцы из «Приказа Рудокопных дел» лишь ездили на осмотр многочисленных находок населения, чтобы подтвердить или опровергнуть их ценность.

Так последовательно по главам книги прослежен весь путь становления горно-геологической службы государства, ее деятельность и роль до наших дней по освоению Европейского и Азиатского Севера страны, Сибири и Дальнего Востока. Дается краткая история жизни и деятельности сменявшихся руководителей горно-геологического ведомства Российской Империи (Берг-Коллегии, Горного Департамента, Корпуса Горных Офицеров и последующих ведомств) и крупнейших ученых. Приводятся предметные упоминания о деятельности сотен геологов – первопроходцев, поисковиков, первооткрывателей, разведчиков, кто не пером, а своей жизнью и трудом писал историю развития Сибири, Северных и Восточных окраин Государства Российского, осваивал Арктику.

Многогранно и само отношение к Северу и Сибири, которым столько лучших россиян посвятили свои годы, а многие оставили свое здоровье и даже жизни. Климат, труднодоступность нашего Севера, Сибири – это и природный щит государства, который неоднократно за тысячелетия сыграл, быть может, решающее значение для выживания народа и государства при самых жестоких нашествиях. Суровые и часто неприглядные условия Российского Севера хранили для государства энергетические и минеральные ресурсы, хранили до тех пор, пока человечество не подходило к необходимости и практической возможности их взять. «А что бы мы имели сейчас в своей перспективе, положи Природа Матушка свои дары с возможностью их легко взять, с нашей то Российской щедростью по вывозу природных богатств!?» – восклицает составитель.

В книге впервые за более чем 300-летнюю историю горногеологической службы России дана хронология подавляющего большинства законодательных установлений этого ведомства, начиная с первых указов Петра Великого. Составитель кропотливо изучал их в архивах Пермской областной библиотеки, единственной, которая сегодня, в год публикации данной «Истории...» еще может удивить полнотой и хорошей сохранностью документов (с 1649 г.). Это, по-видимому, закономерно. Именно в Перми (до становления Екатеринбург) находилось главное управление горными промыслами и горными заводами России. Читатель имеет возможность подробно ознакомиться с любым заинтересовавшим его указом или статьей в архивах – в книге они сопровождаются датой выхода указа, и его номером, и номером статьи, а порой и пункта указа, с кратким изложением тематики. В предисловии к «Полному Собранию Законов Российской империи» его составители справедливо подчеркнули: «Законы отображают внутреннюю жизнь Государства: в них видно, как нравственные и политические его силы складывались, прогрессировали и изменялись. История Государства без познания Законов не может иметь ни ясности, ни достоверности, так же как, с другой стороны, и Законы без Истории часто могут быть не понимаемы».

В числе указов из различных этапов российской истории читатель может найти в предлагаемой книге и весьма поучительные и актуальные сведения для текущей жизни России. Как-то в телевизионном выступлении в 2004 г. президент В. В. Путин, отметив, что число выпускников школ практически равно числу поступающих в высшие учебные заведения, воскликнул с досадой: «Я не понимаю, кому это нужно!». (Его досада была явно по поводу понизившихся требований к уровню знаний.) А как часто мы вспоминаем высокий уровень инженеров «старой школы»! Книга дает наглядный ответ по этому поводу на примере требо-

ваний подготовки горных инженеров в Горном кадетском корпусе XIX в. Приводимый в ней высочайше утвержденный Устав этого учебного заведения, в частности, гласил, что в Горный кадетский корпус принимались обучавшиеся в школах при горных заводах, «имеющие от роду не менее 12 лет и приуготовленные уже в первоначальных науках, в том числе арифметике, чтению и письму российскому, немецкому и французскому, рисованию и проч.». Найдём ли мы сегодня в России детей 12 лет, подготовленных аналогичным образом?

Хочется порекомендовать книгу самому широкому кругу читателей. При неторопливом прочтении она может быть интересна многим, вне зависимости от возраста, профессии, политических и многих других пристрастий. Главы о географических, геологических и промысловых экспедициях полезно читать, вооружившись также и картой.

Пожелаем же этой «Истории...» счастливого пути! И пусть не думает молодежь, что все уже открыто, исхожено и изучено. Конечно, все меньше и меньше неизвестного и не исхоженного на поверхности – ну так это же только на поверхности! На поверхности земли, акваторий, на поверхности теорий и любых знаний! Пусть же память об упомянутых и неупомянутых героях этой книги воодушевляет молодежь на покорение новых рубежей в глубинах недр земли, океанов, решения бесчисленных остающихся загадок окружающего мира!

Несколько слов надо сказать о самом авторе этой книги – Владимире Аввакумовиче Шумилове, которого автор предисловия знает многие десятилетия, в том числе по совместной работе на промыслах Татарии.

Как специалист, В. А. Шумилов представляет великолепный сплав профессионального нефтяника, исследователя-ученого и объективного непредвзятого историка.

На промыслах Татарии молодой инженер входил в элиту первоклассных производственников. Работая на одном из самых трудных участков нефтяного дела – подземном и капитальном ремонте и эксплуатации скважин, – Владимир Аввакумович

отличался и как ученый-исследователь. Первые его книги относятся к той далекой поре.

В последние годы В. А. Шумилов провел большую аналитическую работу по отбору и классификации передовых технологий для различных геологических, реологических и температурных условий разработки недр. Им совместно с коллегами составлен Банк новых технологий, включающий 1500 современных методов повышения нефтеотдачи и уровня эксплуатации скважин.

Сегодня этот прямой и честный исследователь радует нас новой работой.

Валерий Грайфер. Академик горных наук, профессор

Что такое Российский Север?

Моей жене Тамаре этот труд с благодарностью посвящаю.
Владимир Шумилов

Что такое Российский Север? Как очертить условными границами это пространство, чтобы читатель мог погрузиться в атмосферу исторических воспоминаний, исходя из географических и административных определений сегодняшнего дня? И почему о Севере в государстве Российском надо говорить особо?

Кто намерен жить в своей стране и желает ей благополучия, должен устраивать свою жизнь и помогать развиваться государству сообразно его природным условиям.

Природно-климатические условия большей части территории Российского государства на 3–5 тысяч лет отделили начало развития здесь цивилизации от периода ее зарождения в Китае, на Среднем Востоке и в Средиземноморье.

Наши северные территории миновали или почти не затронули самые жестокие и опустошительные нашествия в истории человечества, пути которых, по существу, как раз и намечают южные пределы, за которыми простирается описываемый нами Север.

Хотя предки Аттилы и скитались на берегах Енисея, однако гунны избрали более благоприятные страны для своих завоеваний. Они прошли в III в. и. э. из северных областей Китая «через неизмеримые степи до юго-восточной России» и в 377 г., истребляя все огнем и мечом, устремились к Алану – между Каспийским и Черным морем, а затем покорили восточных готов и Римские владения в Европе. «Сии завоеватели во времена Аттилы, грозного царя их, повелевали всеми странами от Волги до Рейна, от Македонии до Балтийского моря».

Чингиз-хан, начавший первые походы из своего стана близ истоков Амура (всего в 200–300 км от нынешней границы России), устремился, что понятно, не к Забайкальским хребтам, а на юг. Покорив Китай, затем он прошел через Алтай в Среднюю Азию и к Каспийскому морю через половецкие степи. Разгромив на Калке (близ нынешнего Мариуполя) соединенные войска русичей и половцев, преследуя бегущий остаток русского войска до Днепра и, по свидетельству Карамзина – Нестора, уже «не находя ни малейшего сопротивления, полководцы Чингиз-хана вдруг обратились к (Юго) Востоку», на соединение с Чингиз-ханом в Великой Бухаре.

Батый завоевал ряд областей Польши, Венгрии, Хорватию, Сербию, Молдавию, Румынию, Дунайскую Болгарию, Кавказ, а из ныне российских и украинских территорий – русские княжества в пределах Крыма, Восточно-Европейской равнины, Поволжья, Дона и Половецкие земли, так же не забираясь далеко на Север.

Тамерлан, в 1360 г. взойдя на престол Империи Чагатайских Моголов, овладев восточными берегами Каспийского моря, древним Ираном, превратив в пепелища Багдад, Дели и Дамаск, обложив данью Египет и Османскую империю и др., и будучи уже «Монархом двадцати шести стран в трех частях мира», жил в Самарканде, и лишь не преднамеренно, а чтобы «наказать» другого потомка Чингиз-хана – хана Золотой Орды Тохтамыша – забрел с войсками в более северные широты. Четыре месяца он с войском шел из Самарканды на Север, но, достигнув 50-й широты, остановил войска, после чего повернул на Запад к берегам р. Урал. Там вскоре он разбил многочисленную рать Тохтамыша и вступил в русские земли, преследуя убегающие войска хана-ослушника. Достиг Саратовских степей, взял Елец, и, по свидетельству Карамзина и персидского историка Шерефеддина, «усыпая трупами поля в России», собирался далее вести свои несметные полки (по слухам, 400 000 моголов) к Москве, где уже молились в церквях и готовились к христианской смерти «без

надежды отразить силу силою». Но вдруг Тимур «остановился, обратил свои знамена к Югу и вышел из Российских владений».

Для случая с Тамерланом Н. М. Карамзин приходит к весьма объективному выводу, без «красивых утопий»: «...сокровища, найденные ими (Моголами Чагатайскими) в Ельце и в некоторых городках рязанских, не удовлетворяли их корыстолюбию и не могли наградить за труды похода в земле северной, большей частью лесистой, скудной паствами (пастбищами) и в особенности теми изящными произведениями человеческого ремесла, коих употребление и цену свести Татары в образованных странах Азии. Наступала дождливая осень, с людьми, обывшими (привыкшими) кочевать в местах плодоносных и теплых, благоразумно ли было идти и далее к Северу, чтобы встретить зиму со всеми ее жестокостями?» То, что этот фактор, предположенный Н. М. Карамзиным, был главным, подтверждается поведением русских войск. «Сия весть радостно изумила наше войско. Никто не думал гнаться за врагом... Юный государь (Великий Князь Василий Дмитриевич) мог бы приписать спасение отечества великодушной своей твердостью, но вместе с народом приписал оное силе сверхъестественной...»

Будем чистосердечны. Этой же причиной объясняется и упомянутый выше как бы неожиданный поворот на Юг Чингиз-хана после его победы на Калке. Холода российские не могли не сыграть значительную положительную роль и в поражении Наполеона в России, и в разгроме фашистской Германии. Это отнюдь не отрицает массового героизма наших солдат и не дает оснований возникновению у нас дискомфорта при правильно понимаемом чувстве самолюбия. Более того, на взгляд составителя данной «Истории...», мы можем даже радоваться такому обстоятельству, такому природному хранителю Российского государства.

Во всяком случае, как было уже сказано, география всех перечисленных нашествий (или первоначальных планов неудавшихся завоеваний) обтекает с юга границы Российского Севера, к которому в этой книге мы относим территории Крайнего Севера и приравняемые к ним обширные территории Западной и Восточной Сибири, а также Дальнего Востока.

Если следовать с Запада на Восток по всему нынешнему пространству Российского государства, рассматриваемый нами Север включает, прежде всего, территорию Мурманской области, где вдоль побережья Баренцева моря и горла Белого моря тянется полоса тундры. Тундровой растительностью покрыты и возвышенные внешние части Кольского полуострова. Большая часть области занята лесотундрой.

Далее к востоку следуют обширные территории Архангельской области с Ненецким автономным округом, включающие Малоземельскую и Большеземельскую тундры, Тиманский кряж, а также прилегающие акватории и острова Белого, Баренцева (с Печорским) и Карского морей.

Несомненным Севером является и большая территория Республики Коми, в которой располагаются хребты Северного, Приполярного и Полярного Урала, часть Большеземельской тундры и Тиманский кряж. Почвы, как и во многих других территориях Севера России, здесь представлены подзолистыми, дерново-подзолистыми и торфяными разновидностями, как известно, неблагоприятными для растений.

В Западном Приуралье – Пермской области, к рассматриваемому нами Северу Российскому могут быть отнесены северные территории, в том числе Коми-Пермяцкого автономного округа (ныне административно объединяющегося с Пермской областью в Пермский край).

На Уральских горах и далее на восток за Уралом пространство Севера резко расширяется на юг, сообразуясь с распространением зоны многолетней мерзлоты.

В Тюменской области территория Севера охватывает главным образом огромные пространства Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Южная граница арктического пояса здесь проходит через северную часть Ямальского и Гыданского полу-

островов немного севернее 71-й параллели. К субарктическому поясу относится подзона типичной тундры, этот пояс простирается на юг до 65-й широты. Территория распространения многолетней мерзлоты в Тюменской области составляет до 600 тыс. кв. км, вплоть до широтного течения р. Обь. Причем, по данным бурения, в этой полосе ископаемые льды прослеживаются до глубины 350 м. К этому региону Севера России относится и омывающее его берега Карское море с островами.

Переходя к рассматриваемому нами пространству Севера из Западной в Восточную Сибирь, видим, что уже за Енисеем зона распространения многолетней мерзлоты вновь и наиболее резко увеличивается, вплоть до южной границы России. Это следует связывать с двумя обстоятельствами. Во-первых, с тем, что Полюс Холода северного полушария Земли отнюдь не совпадает с географическим Северным Полюсом, а расположен именно в континентальной зоне Восточной Сибири. Во-вторых, с тем, что в сравнении с низменной Западной Сибирью Восточная Сибирь – горная страна.

Многолетняя мерзлота распространена в большей части Красноярского края с его Таймырским, Эвенкийским автономными округами и островами Северной Земли, разделяющей акватории Карского моря и моря Лаптевых. В Таймырском и Эвенкийском автономных округах, охватывающих территорию области почти до 58-й параллели, многолетняя мерзлота развита повсеместно.

Северная часть Иркутской области охватывает часть Средне-Сибирского плоскогорья и включает Патомское нагорье, характеризующиеся весьма холодной продолжительной зимой и широким распространением многолетнемерзлых пород.

В Республике Саха (Якутия) в районе Верхоянск – Оймякон расположена область самых низких температур в Северном полушарии. Повсеместно в республике распространены многолетнемерзлые породы, горные тундры, тундровые и горно-тундровые почвы, бедные доступными для растений азотом, фосфором, калием и микроэлементами. Республика Саха – горная страна, основную часть ее территории занимают восточная часть Средне-Сибирского плоскогорья, Алданское плоскогорье и обширные горные системы – Верхоянский хребет, хребет Черского с высотами более 3 000 м и др. В горах распространены оледенения и долинные ледники.

Территорией Российского Севера, относящейся к Республике Саха, являются и Новосибирские острова между акваториями морей Лаптевых и Восточно-Сибирского Северного Ледовитого океана.

Преобладанием горного рельефа, горно-таежных, горно-дерновых, горно-тундровых почв, суровой продолжительной зимой и распространением многолетней мерзлоты характеризуются Республика Бурятия и Читинская область с ее Агинским Бурятским автономным округом.

К Дальневосточной части Севера Российского относим Чукотку, Камчатку, Магаданскую область, северные части Амурской области и Хабаровского края, Сахалинскую область, а также омывающие эти территории акватории морей.

На Чукотке с ее суровой долгой зимой и холодным коротким летом повсеместно распространена многолетняя мерзлота, горно-тундровые почвы и тундровая растительность. Повсеместно (кроме Охотского побережья) развита многолетняя мерзлота и в Магаданской области (с Чукотским автономным округом). В Амурской области подобными условиями характеризуется северная часть, а в Хабаровском крае – северо-западная, горная, с хребтами Становым, Сетте-Дабан и Алданским плоскогорьем.

На Камчатке субарктическим климатом характеризуется северная половина полуострова, относящаяся к Корьякскому автономному округу. Здесь также развиты горно-тундровые почвы и тундровая растительность.

В очерченном нами территориально условном Российском Севере большую часть занимают территории Крайнего Севера и приравненные к ним местности. По определению, принятому правительством СССР в 1985 г., к ним относятся:

1. Все острова Северного Ледовитого океана и его морей, а также острова Берингова и Охотского морей.
2. Мурманская область.
3. В Архангельской области – Ненецкий автономный округ, г. Северодвинск с примыкающей территорией, а также Лешуковский, Мезенский и Пинежский районы.
4. Большая часть территории Республики Коми севернее 62-й параллели.
5. Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа Тюменской области.
6. В Томской области – районы по течению Оби от г. Стрежевой до г. Колпашево, а также по притокам Оби рекам Бакчару и Кети.
7. По Красноярскому краю – Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа, гг. Игарка, Норильск, Енисейск и Лесосибирск с прилегающими территориями, Туруханский и Северо-Енисейский районы, а также районы в бассейне р. Ангары – Мотыгинский, Богучанский и Кежемский.
8. Республика Саха, Магаданская, Камчатская и Сахалинская области.
9. В Иркутской области – территории в бассейне р. Нижней Тунгузки и истоков р. Катанги, а также районы Бодайбинский, Братский, Казачинско-Ленский, Киренский, Мамско-Чуйский, Нижнеилимский, Усть-Илимский и Усть-Кутский.
10. В Республике Бурятия – Северо-Байкальский и Баунтовский (окрестности оз. Баунт) районы.
11. В Читинской области— территория к северу от 53-й параллели в бассейнах рек Калара, Олекмы, Тунгира, а также Тунгокоченский район.
12. В Хабаровском крае— Аяно-Майский и Охотский районы (территория края к северу от 55-й параллели в бассейне р. Мая с центрами Аян и Охотск), а также около 15 районов, в основном севернее 50-й параллели, на территории, занятой горными хребтами.
13. Северная и северо-восточная части Амурской области в среднем и верхнем течении р. Зеи, а также в бассейнах ее притоков Селемджи, Гилюя и Нюкжи (Тындинский, Зейский и Селемджинский районы).
14. В Приморском крае – районы на склонах хребта Сихотэ-Алинь и прилегающих территориях.

Пространства суши, отнесенные полностью или частично к Крайнему Северу и приравненным к нему территориям, занимают площадь порядка 10,375 млн кв. км, республики и области, их включающие— 12,438 млн кв. км, они же, вместе с остальными административными подразделениями Федерации в Западной и Восточной Сибири— более 13,453 млн кв. км, что от общей площади государства (17,0754 млн кв. км) может составлять соответственно 60,7 %, 72,8 % и 78,8 %.

Когда оглядываешь в целом нарисованную «зябкую» картину пространства Российского Севера, становится понятно, почему не сюда стремились древние завоеватели-кочевники, с которыми вместе часто следовали их стада, семьи и весь их быт.

В последние два-три десятилетия так называемое «глобальное потепление» существенно меняет климат. И этим природным изменениям (как и изменениям названий населенных пунктов и природных объектов), вероятно, будут посвящены еще десятки и сотни трудов современных ученых (географов, ботаников, климатологов, почвоведов, экологов и др.). Мы же пишем историю узнавания и освоения Российских пространств и недр в течение ряда веков, и нам важно показать как бытовавшие тогда административные порядки, установления, общественные отношения, так и тогдашнюю оснащенность экспедиций, и те,

нередко «девственные», природные условия, в которых действовали многочисленные герои нашей книги.

Суровые и часто неприглядные условия Российского Севера хранили для государства главные и несметные богатства этих территорий и акваторий – богатства недр, топливно-энергетические и минеральные ресурсы, хранили до тех пор, пока человечество не подходило к необходимости и практической возможности их взять.

И если раньше Аттила и Чингиз-хан с потомками стремились к овладению южными странами, изобилующими плодами субтропической природы, то сегодня знатнейшие и богатейшие державы мира с вождением мечтают и строят планы использования в своей экономике запасов подземных кладовых Российского Севера. И можно с большой долей уверенности утверждать, что с Россией в международных делах продолжают считаться (несмотря на все наши проблемы) главным образом потому, что рассчитывают в долговременной перспективе на богатства недр нашего Севера. Уже десятилетия природный газ Ямало-Ненецкого автономного округа согревает и освещает страны Центральной и Западной Европы. Экспортируется нефть месторождений Ханты-Мансийского автономного округа, Республики Коми и Сахалина, уголь и минеральные богатства Сибири. На природный газ Западной и Восточной Сибири в ближайшем будущем рассчитывают также Турция, Япония, Корея и Китай...

Так не великое ли это благо от матушки природы, что она до поры до времени придерживает свои дары, запасы, нужные нам как для собственного потребления, так и для обмена на другие наши нужды? И, быть может, не случайно природа расположила громадные источники тепла в нашем суровом краю – ведь страна должна вечно продолжать обустривать все свои территории. А положи она, матушка природа, все имеющиеся у нее дары перед россиянами с возможностью легко их взять, так с нашей-то российской щедростью по экспорту сырья мы многое бы уже растранижирили и вряд ли имели бы сегодня что-то в своей перспективе!

Хочется заметить также, что суровые условия Российского Севера не могут не объяснять и не определять и свой «нестандартный» путь развития страны. Во всяком случае, здесь вряд ли подойдет опыт малых стран с благодатным климатом, куда так любят ездить с изучением их реформ наши парламентарии. Положительной может стать роль этого фактора, в качестве сдерживающего, и в слишком активном наступлении новых времен на нравственные устои нашего народа.

Именно сейчас, на пороге веков и тысячелетий, фатально совпавшем с эпохой, быть может, нового «великого перелома» в истории России, приходится вновь задуматься о дальнейших шагах по «прирастанию России Сибирью» и концепции этого процесса. Север зовет всех нас к действию самими проблемами страны. К этому же призывает нас и память многочисленных потомков россиян, посвятивших свои жизни и свои труды изучению, освоению и развитию Российского Севера в ушедшем тысячелетии.

Древние народы и горные промыслы Сибири и Севера Европейской России

Археологические находки из Подмосковья, Якутии, Забайкалья, Красноярского края не позволяют утверждать с уверенностью, что навыки в освоении Российского Севера, в первичном налаживании быта людей в Сибири и на Дальнем Востоке пришли из Центра Восточно-Европейской равнины.

Как известно, заселение человеком территории современной Москвы относят к эпохе неолита (III–II тыс. до н. э.). В те времена здесь на берегах реки располагались стоянки охотников и рыболовов. А первые славянские памятники – погребения – относятся к VI в. н. э. (Мы не упоминаем здесь нередкие в новое время разного рода «сенсационные» телевизионные предположения, вероятно, требующие всегда более обстоятельной проверки.)

Тем же самым, а быть может, еще более ранним временем (IV–II тыс. до н. э.) датируется так называемая байкальская культура – неолитическая культура, отмеченная в археологических раскопках в Прибайкалье и в бассейнах Ангары, Енисея и Лены. Раскопки отражают несколько этапов неолитической культуры: хиньский, исаковский, серовский, китайский. На более ранних этапах население занималось охотой на таежного зверя, позднее также рыболовством.

В Прибайкалье известна Глазковская культура II тыс. до н. э. В раскопках найдены рыболовные крючки, ножи из бронзы, украшения из бронзы, перламутра, нефрита.

Со временем первых известных поселений на месте нынешней Москвы (III–II тыс. до н. э.) соотносится и так называемая Амурская культура – неолитическая культура, найденная раскопками советских археологов в 40–50-х гг. XX в. в бассейне р. Амур. Племена занимались преимущественно рыболовством, жили большими поселениями в землянках. При раскопках были найдены ножи, наконечники стрел, лампы-жировки, глиняная посуда с орнаментом.

Древнейшие следы человека на территории Республики Саха относятся к верхнему палеолиту (более 13 тысяч лет назад).

Что касается региона Урала, напомним хотя бы об известном Горбуновском торфянике – раскопках близ Нижнего Тагила, где были обнаружены стоянки эпохи неолита и бронзы III–II тыс. до н. э. Оpoznано множество изделий из дерева: весла, жом для отжима растительного масла, полозья саней и пр.

Таким образом, двигаясь в своей истории на Север и Восток, россияне проникали, в сущности, на давно заселявшиеся территории.

Перейдем, однако, к временам, известным нам по первым дошедшим до нас летописям.

Согласно Н. М. Карамзину, по сказанию Геродота, писавшего за 445 лет до Рождества Христова, на Северо-Восток от Дона, Днепра и степей Астраханских, заселенными скифами, сарматами и другими племенами, за густыми лесами начинались каменистые горы (Уральские) и страна людей, которые, по описанию Геродота, названы Карамзиным калмыками.

Другие описания Геродотом северных территорий отрывочны и малоинформативны. Кроме того, по-видимому, его сведения не касались высоких северных широт, поскольку сам падающий снег и лед на земле или воде он описывает как нечто дивное.

Поэтому перейдем сразу к летописям Нестора (в пересказе и комментариях Н. М. Карамзина), и также только в той части, где речь заводится о неславянских народах, издавна проживавших на территории нынешней России, и о взаимоотношениях славян, русских с этими народами.

Появление первых древних городов славянских (Новгорода, Киева и др.), согласно этим летописям, относится к первым векам н. э. Другие древние славянские города (Изборск, Полоцк, Смоленск, Любеч, Чернигов) летописцем объявляются построенными не позднее IX–X в.

«Кроме народов Славянских, – читаем у Карамзина – Нестора, – жили тогда в России и многие иноплеменные: *Меря* вокруг Ростова и на озере Клещине, или Переяславском; *Мурома* на Оке, на юго-восток от Мери; *Ливь* в Ливонии, *Чудь* в Эстонии и на восток к Ладожскому озеру; *Нароеа* там, где Нарва; *Ямь* или *Емь*, в Финляндии; *Весь* на Белеозере; *Пермь* в губернии сего имени; *Югра*, или нынешние Березовские Остяки, на Оби и Сосьве; *Печора* на реке Печоре».

Карамзин говорит, что, хотя многие из этих народов в последующем смешались с россиянами и исчезли, но другие сохранились и поныне, и языки их настолько сходны между собой, что позволяет их объединять в группу *Финских* (а ныне мы говорим *финно-угорских*) народов. К ним он относит «...ныне здравствующих Лапландцев (или саамов, лопарей, живущих в Мурманской области), Зырян (Коми), Остяков Обских (Хантов), Чувашей, Вотяков (Удмуртов)...» Ссылаясь также на Тацита, летописующего еще в первом столетии н. э., а также на позднейших шведских историков и Гроция, Карамзин говорит, что даже Норвегия, Швеция и Дания когда-то ранее были населены этими народами, на Восток их расселение простиралось до Урала, Волги и Сибири, на Север – до Ледовитого Океана.

«Не знаем, когда они в России поселились, но не знаем также и никого старобитнее (исключая, таким образом, и славян) в северных и восточных ее климатах». Нестор упоминает, что древняя история скандинавов говорит о двух особенных, *вольных и независимых* (то есть не платящих никому дани) странах этих народов: Кириаландии и Биармии.

Первая из них простиралась от Финского залива до Белого моря.

Вторая, Биармия, гранича на западе с первой, занимала обширное пространство от р. Шексна, Онежского озера и Белого моря на западе до меридиана р. Печора в ее верхнем течении, а в пространстве между 55-й и 61-й параллелями смыкалась восточной границей с цепью Уральских гор, с юга граничила со странами волжских болгар, черемисов (мари) примерно по 57-й параллели, а затем с муромой и мерью с границей по р. Волга в ее верхнем широтном течении. На север пространство Биармии простиралось до берегов Баренцева моря.

«Имя нашей Перми есть одно с именем древней Биармии», – пишет Н. А. Карамзин. В связи с этим сегодня нам удобнее по созвучию называть эту древнюю страну Пермией. Древняя Пермия, таким образом, включала территории Архангельской, Вологодской, Вятской и Пермской губерний (на время Карамзина), что может соответствовать огромной территории, принадлежащей по нынешнему административному делению Вологодской, Костромской, Кировской, Пермской областям, а также большей части Архангельской области и Республики Коми с общей площадью равной двум Франциям.

Самое раннее свидетельство о Пермии известно от норвежского морехода Отера, который в IX в. доплывал до устья Северной Двины, слышал от жителей многое об этой стране и говорил, что народ Пермии многочислен и имеет один язык с финнами.

На востоке Пермия соседствовала с Печорой, расселившейся между р. Печора и Уральскими горами. За Уральским хребтом селились Югорские племена (Югра) – на территории, согласно схематической карте, приводимой Н. М. Карамзиным, между реками Сосьва и Северная Сосьва, соответственно, на юге и севере, и между Уральским хребтом и Обью – соответственно на западе и востоке.

Впрочем, эти сведения по Югре могут быть не совсем точны. Согласно Советской энциклопедии, Югра (Угра, Егра) – название предков хантов (остяков) и отчасти манси (вогулов), а также земель Северного Урала по обоим его склонам (от Печоры до бассейна левых

притоков Оби). По-видимому, упомянутая нами выше Печора – название племен, также имевших отношения к югорской группе.

Народов из более южных территорий можно коснуться в нашем изложении лишь затем, чтобы к угорской составляющей финно-угорских племен, хотя бы мельком, упомянуть о тех племенах, которые в последующем осели в Центральной Европе. Изучая летописные материалы и другие источники, Н. М. Карамзин писал: «Восточная страна нынешней Российской Монархии, где текут реки Иртыш, Тобол, Урал, Волга, в продолжении многих столетий ужасала Европу грозным явлением народов, которые один за другим выходили из ее степей обширных... Все они были кочующие, все питались скотоводством и звериной ловлею: Гунны, Угры, Болгары, Авары, Турки – и все они исчезли в Европе, кроме Угров и Турков».

Эта фраза историка – лишнее свидетельство тому, что территории за Уралом в первом тысячелетии были населены многими кочующими племенами.

Но зададимся вопросом, кто же снабжал их предметами быта, оружием и снаряжением для охоты и войн?

Археологические исследования отвечают с уверенностью, что Сибирь издавна населяли племена, способные находить в окружающей их сибирской же природе полезные камни и горные породы. Соответствующим образом обрабатывая их, древние мастера сибирские изготавливали необходимые предметы быта и оружие.

Кочующие племена могли и в своем составе иметь рудознатцев и мастеров, или же эти последние стремились постепенно становиться оседлыми и торговать продуктами своего труда, как вывозя их в другие местности или племена, так и принимая «покупателей» у себя.

Знание особенностей камней и горных пород, поиск их по характерным отличительным признакам, особенные приемы и навык их обработки требовались уже для изготовления каменных орудий в эпоху неолита и бронзы, то есть за несколько тысячелетий до нашей эры.

Например, сотрудниками Алтайского и Томского Университетов Ю. Ф. Кирюшиным и А. М. Малолетко при археологических исследованиях в верховьях р. Васюган (левый приток Оби) было обращено внимание на то, что каменные орудия в эпоху неолита и бронзы изготавливались в основном из своеобразной породы, известной у геологов под названием сливных кварцитовидных песчаников. Из таких песчаников изготовлена основная масса накопечников стрел и дротиков, скребков и проколов с ряда поселений. Причем найдены были либо целые орудия, либо их обломки. Никаких мелких отходов (сколы, чешуйки), которые напоминали бы изготовление орудий на месте, при этом не было найдено. Это привело археологов к выводу, что в верховья Васюгана поступали уже готовые изделия. Совместно с крупными знатоками (геологами Западной Сибири) Ю. Ф. Кирюшин и А. М. Малолетко установили, что подобного типа песчаники встречаются только в верховьях р. Кеть, в Приенисейской части Западной Сибири, на расстоянии более 800 км от упомянутых древних поселений, где применялись каменные орудия.

Полагают, что древние горные выработки долгое время служили основным поисковым признаком, которым пользовались русские рудоискатели. Большинство древних выработок на месторождениях Алтая, открытых много веков тому назад неизвестным народом, по данным М. Ф. Розена, проходились для добычи медной руды, из которой выплавляли медь. На соседнем с Алтаем Калбинском хребте в древности добывали также оловянную руду, которая употреблялась в качестве добавки для выплавки бронзы. Много в древности на Алтае и Калбинском хребте добывалось и золота.

Наибольшее внимание старым выработкам, пройденным в далеком прошлом, уделил в своих исследованиях один из первых российских академиков П. С. Паллас. В его работе под названием «Рассуждения о старинных рудных коях в Сибири и о их подобии с венгерскими, различествующими от копий римских» по поводу результатов изучения древних разработок автором сообщалось, что «штольни их были круглые и весьма тесные без всяких

подпор и пристроек в глубину от десяти до двадцати саженей. Такие старинные разработки руд открыты в славной Змеевской горе, наиболее изобилующей дорогими металлами, и там найдены были не только кирки и другие рудокопные инструменты, похожие почти на наши, ныне употребляемые, однако медные, но и каменные молоты, укрепленные в деревянной рукоятке здоровыми ремнями. В середине охристой руды найден также скелет человека, придавленного обвалившейся землею; по сторонам обрудневших его костей лежали служившие ему в добывании руды орудия и кожаная сумка, наполненная изобильною золотом охрою». Паллас высказывал предположение, что древние рудокопы Алтая являлись предками венгров, которые, как известно, относятся к угро-финской группе народов, частично переселившихся в Европу из-за Урала.

Древние разработки на левом берегу Иртыша в 1911 г. изучал В. А. Обручев. Найденные там древние каменные орудия – молоты, топоры и жернова для растирания золотосодержащего кварца, изготовлены, как писал В. А. Обручев, из самых прочных местных пород.

По сообщениям Ивана Лейбе, бывшего в 1764 г. управляющим Змеиногорским рудником, а также академиков И. И. Фалька и И. С. Палласа, при разработке древних золотоносных отвалов применялись дробление и промывка породы.

Я. И. Сунчугашев и другие исследователи в своих трудах приводят также примеры, свидетельствующие о древней металлургии на территории Сибири.

В 1983 г. впервые был опубликован новый оригинальный материал археологов Ленинграда, Барнаула, Новосибирска, Омска с детальными исследованиями находок древнего литейного производства на территории Сибири.

В частности, независимые исследования И. Г. Глушкова и А. И. Умайского с М. А. Деминым относят находки копий и других бронзовых изделий, найденных при раскопках в лесостепном Алтае и среднем течении Иртыша, к Самусьско-Сейминскому хронологическому пласту (XV–XIII вв. до н. э.). Авторы полагают, что здесь же находились и очаги производства на своей сырьевой базе.

С. Ф. Дмитриеву, Ю. Ф. Кирюшину и М. Д. Старостенкову применение количественного спектрального, металлографического анализов, рентгеноскопии и других методов исследования древних бронзовых и железных изделий лесостепного Алтая позволило выявить высокий уровень металлургического производства древних жителей. Уже в I тыс. н. э. на территории Сибири применялись такие технологические приемы, как сварка, цементация, закалка и обжиг.

Военные, торговые и промысловые походы россиян в период становления Российской Империи (XI–XVII вв.)

Уже в XI в. Пермия, окрестности Печерские и Югра попадают в зависимость к русичам. Это происходило в период правления великого князя Ярослава Мудрого (1019–1054 гг.), славного в истории, в частности тем, что «не приобретал *оружием* новых земель».

От Нестора мы узнаем, что, по сказанию исландцев, в начале XI в. на берегах Двины был торговый город, куда съезжались скандинавские купцы, и где как-то норвежцы, будучи в Пермии, ограбили кладбище и украшения финского идола.

Жители Пермии торговали ценностями своей земли (солью, железом, мехами) с норвежцами и даже с камскими (волжскими) болгарами, сообщаясь по судоходным рекам.

Нестор – Карамзин пишут: «Занимаясь рыбной и звериной ловлей, огражденные с одной стороны морями хладными, а с другой лесами дремучими, они (жители Пермии) спокойно наслаждались независимостью, до самого того времени, как смелые и предприимчивые Новгородцы сблизились с ними чрез область Белозерскую и покорили их, в княжение Владимира или Ярослава.

Сия земля, от Белоозера до реки Печоры, была названа Заволочьем, и мало-помалу заселена выходцами Новгородскими, которые принесли туда с собой и Веру Христианскую... и Новгородцы нашли способ получать естественные, драгоценные произведения Сибири через своих Югорских данников, которые выменивали оные у тамошних обитателей через железные орудия и другие дешевые вещи».

Карамзин, в частности, приводит пример из Хлыновского летописца о первом заселении нынешних районов Удмуртской республики, Республики Марий Эл, Пермской и Кировской областей русичами.

В 1174 г. некоторые жители Новгородской земли, отчасти из-за внутренних раздоров, отчасти из-за перенаселенности, решили выехать за пределы отечества и, доплыв Волгой до Камы, поселились на ее берегу. Но, зная, что далее к Северу обитают народы в лесной стране, изобильной дарами природы, многие из этих выходцев отправились вверх до устья Осы, повернули к западу, дошли до р. Чепец (приток Камы) и, плывя ею вниз, «покорили бедные жилища вотяков». После этого они вошли в реку Вятку, и на правом ее берегу, на высокой горе, увидели красивый городок, окруженный глубоким рвом и валом. «Место полюбилось Россиянам, они захотели овладеть им и навсегда там остаться...»

Вторая часть той же группы новгородских «переселенцев» также оставила свое временное поселение на Каме и, решив искать другого жилища, пришла на судах к устью Вятки, добралась вверх по реке до города черемисов (мари) Кокшарова (ныне Котельнича) и завладела им.

Во времена, когда под гнетом Золотой Орды русские великие князья принуждены были изыскивать средства для Орды и гасить внутренние раздоры, они остро нуждались в поступлениях средств из Пермии и Югры. При этом они постоянно входили в трения с новгородцами, которые по привычке считали эти земли своей вотчиной. В частности, Иван Калита, частыми путешествиями в Орду доказывая свою преданность хану, поддерживал спокойствие в областях на Руси. Зная, что новгородцы, торгуя на границах Сибири, доставали много серебра из-за Камы, Иван Калита требовал и для себя, а получая отказ, начинал вооружаться и предпринимал собственные походы.

Дмитрий Донской, готовясь к решительной борьбе с Ордой, вознегодовал на новгородцев, из которых многие «под названием охотников» составляли тогда целые полки и без вся-

кого сношения с князем ездили на добычу в места отдаленные. Так они (в 1364 г.) «ходили по Оби до самого моря с молодым Вождем Александром Обакуновичем (Обакуновичем) и сражались не только с иноплеменными Сибирскими народами, но и со своими Двинянами. Сей же Александр и другие смельчаки отправились вниз по Волге на 150 лодках; умертвили в Нижнем великое число (купцов) Татар, Армян, Хивинцев, Бухарцев; взяли их имение, жен, детей; вошли в Каму, ограбили многие селения в Болгарии и возвратились, хвалясь успехом и добычею».

Но уже в период правления Ивана III, когда, по выражению Карамзина, история России прекращает быть описанием «бессмысленных драк Княжеских», объединение русских земель вокруг Москвы, как и присоединение новых областей и регионов, становится государственной политикой.

Уже в первое десятилетие своего правления (1462–1472 гг.), поначалу потерпев ряд неудач, Иван III походами на Казань добился заключения мира *на всей воле Государя Московского*, то есть обязательств исполнять все его требования.

Древняя Пермия или Пермь, хотя еще с XI в. платила дань русичам, в гражданских отношениях зависела от Новгорода, а в церковных от митрополита Московского, однако «всегда имела собственных Властителей и торговала, как Держава Свободная».

Между тем, помня, что еще Ивана Калиту прельщали из Пермии меха драгоценные и серебро, называвшееся закамским, великие князья, уже присвоив Вологду – часть древней Пермии, желали овладеть ею всей.

Поэтому, получив передышку в борьбе с Казанской Болгарией и укрепив свои позиции с Новгородом, Иван III воспользовался первым же благоприятным случаем. «В Перми обидели некоторых Московитян, сего было довольно для Иоанна, он послал туда Князя Феодора Пестрого с войском, чтобы доставить им законную управу».

Победа над Пермской ратью близ города Искора была убедительной. «Вся земля Пермская покорилась Иоанну, и Князь Феодор (возглавлявший Российское войско) прислал к нему, вместе с пленными, 16 сороков черных соболей, драгоценную шубу соболью, 29 *поставов* Немецкого сукна, 3 панциря, шлем и две сабли булатные». Это завоевание приблизило восточные границы Московских владений вплотную к Уральскому хребту и обещало большие торговые выгоды.

Но, наконец, и «Новгород покорился Иоанну, более шести веков слав в России и в Европе Державою народною».

Окончательное подчинение Новгорода привело, в частности, к тому, что в 1505 г. Москвой первым российским наместником в Великой Перми был поставлен князь Василий Андреевич Ковер.

Заслуживает внимания дальнейшая история уже упоминавшейся нами малой Вятской Республики, чьи первые поселенцы (приплывшие из Новгородской земли) начали обычным разбоем и изгнанием коренного населения с обжитых ими мест. Проследившая далее жизнь этих «демократов» из «Державы народной», летопись говорит, что этот народ, «... мало-помалу усиливаясь размножением людей, более и более успевая в гражданском хозяйстве, вытеснил первобытных жителей из мест привольных, загнал их во глубину болотистых лесов, овладел всею землею между Камой и Югом, устьем Вятки и Сысолою, начал было торговать с Пермьями, Казанскими Болгарами, с восточными Новгородскими и Великокняжескими областями, но еще не довольный выгодами купечества, благоприятствуемого реками судоходными, сделался ужасен своими дерзкими разбоями, не щадя и своих соплеменников».

Разбойным нападениям этих русских норманнов подвергались в основном области бывшей Пермии (Вологодские, Устюжские, Двинские земли) и Волжско-Камская Болгария. Эта вольность разбойная, разумеется, не нравилась ни правителям Орды, в подданстве кото-

рой находилась Болгария, ни князьям Московским, постоянно усиливавшим свое правление над областями Пермии. Поэтому «Тохтамыш выжег ее (Вятской республики) города, сын Донского присвоил себе власть над оною, внук стеснил там вольность народную, правнук уничтожил навеки».

Именно к правлению Ивана III относятся и первые государственные экспедиции по изучению недр Каменного Пояса, к которому вплотную уже приблизились границы Русского государства. Нужны были золото, серебро, медь для чеканки монет. До этого пользовались исключительно чужими драгоценными металлами, получаемыми за счет внешней торговли и мены с сибирскими народами через Югру. Но и этот последний источник к XV в. совсем оскудел, так как в договорах и летописях этого века уже нет ни слова о *серебре закамском*.

Но издавна были слухи, что северные страны, близ Каменного Пояса, изобилуют металлами. Присоединив к Московской державе Пермью, Иван III начал искать людей, сведущих в горном деле. И в 1491 г. два немца (фамилии остались неизвестны) и россияне Андрей Петров и Василий Болтин отправились из Москвы искать руды серебра в окрестности Печоры. Они возвратились через 7 месяцев, с известием, что нашли серебряную руду вместе с медной на реке Цыльме «в общем пространстве десяти верст». «С того времени, – пишет Карамзин, – мы начали сами добывать, плавить металлы и чеканить монету из своего серебра». С этим событием, вероятно, связана отмечаемая энциклопедиями колонизация бассейна рек Цыльмы, Ижмы и Печоры коми и русскими.

Также в период правления Ивана III была присоединена к России и Югра, причем последовательность или «механизм» экспансии был обычный. По свидетельству одного летописца, еще в 1465 г. устюжанин Василий Скряба «с толпой вольницы ходил за Уральские горы воевать Югру и привел в Москву двух тамошних Князей, Калпака и Течика; взяв с них присягу в верности, Иоанн отпустил сих Князей в отечество, обложил Югру данию и милостиво наградил Скрябу».

Однако это завоевание, сообщает летописец, было «мнимым», действительность не соответствовала «договоренности». Как и в описанном выше случае, когда «обидели Московитянина в Перми», это стало поводом для организации военного похода на Югру.

В 1483 г. Иван III отрядил воевод князя Федора Курбского Черного и Салтыка Травина с полками устюжскими и пермскими на вогуличей и Югру. Близ устья р. Пельнь (ныне Пелым – один из истоков Тавды) Московские воеводы разбили князя Вогульского – Юмшана. Затем они прошли вниз по реке Тавде «мимо Тюмени до Сибири» (бывшее поселение Сибирь в 16 верстах от нынешнего Тобольска), а оттуда так же берегом Иртыша до Оби, в землю Югорскую, пленили ее князя Молдана и с богатой добычей возвратились через пять месяцев в Устюг. При посредничестве епископа Пермского Филофея «Владетели Югорские требовали мира и присягнули в верности близ устья Выми (один из истоков Вычегды). А Юмшан Вогульский с Епископом Филофеем сам приезжал в Москву на приеме у Великого Князя, после чего начал платить дань».

Но окончательное покорение Москвой этих земель произошло только в 1499 г., когда князь Симеон Курбский, Петр Ушатов и Заболоцкий-Бражник во главе 5 000 устюжан, двинян и вятчан добрались разными реками до Печоры, заложили на ее берегу крепость и 21 ноября отправились на лыжах к Каменному Поясу. Летопись описывает труднейшие условия, в которых они шли через горы в самую пору жестоких холодов, и поневоле проникаешься чувством глубокого уважения и восхищения мужеством этих людей... Но тут же (о, варварские времена!) читаешь со столь же глубокими чувствами печали и негодования: «Там встретили Россияне толпу мирных Самоедов, убили 50 человек и взяли в добычу 200 оленей». Описывая подобные исторические факты, Карамзин оговаривается, что в то время военное право в мире было варварским, и всякие злодеяния в неприятельской стране считались законными. Подсчитано, что участники похода прошли в общей сложности 4650

верст, пока не достигли городка Ляпина (в Березовском районе, где и р. Ляпин, приток Сев. Сосьвы). Вскоре к ним съехались (на длинных санях, запряженных оленями) «владельцы Югорские, земли Обдорской, предлагая мир и подданство Государю Московскому». На это время похода воеводы также ехали на оленях, а воины на собаках, держа в руках огонь и мечи для истребления бедных жителей. Воеводы взяли 40 городов (имеются в виду укрепленные острогом), более тысячи пленников и 50 князей, обязали всех жителей (вогулов, югорцев, или остяков, и самоедов) клятвой верности и благополучно вернулись в Москву к Пасхе.

В царствование Ивана Грозного, после взятия Казани (в 1552 г.) и Астрахани (в 1554 г.) – столиц наследных ханств бывшей Орды – слух об этих завоеваниях проник и в отдаленную Сибирь, известную тогда лишь как средняя часть будущей Тобольской губернии. В России знали о Сибири от югорских и пермских жителей. Правители этой Сибирию князья монгольские, потомки Батыева брата Сибана (или Шибана). Вероятно, что они в период царствования Ивана IV имели отношения с Россией и даже признавали некоторую зависимость от ее царя, поскольку Иван Грозный уже в 1554 г. именовался в грамотах Властителем Сибири, но летописи, изученные Н. М. Карамзиным, «молчат о том до 1555 года». В этом году князь сибирский Едигер прислал двух чиновников в Москву поздравить государя со взятием Казани и Астрахани. Кроме поздравлений, Едигер вынужден был платить дань Российскому государству «с условием, чтобы мы (Россия) утвердили спокойствие и безопасность его земли». Договорились в следующем: в этом ограниченном ханстве, называвшемся тогда Сибирию, по данным чиновников, проживало в то время 30 700 жителей, с каждого из которых Едигер обещал ежегодно присылать по соболю и белке. Однако через год представитель Ивана Грозного в Сибири вернулся с послом Едигера и лишь 700 соболями. Царь велел заключить сибирского посла в темницу, и в 1558 г. «Едигер доставил в Москву дань полную, с уверением, что будет впредь исправным плательщиком. Таким образом, Россия открыла себе путь к неизмеримым приобретениям на Севере Азии, неизвестным дотоле ни Историкам, ни Географам образованной Европы».

Таким образом, вначале Иван III, а затем и его внук Грозный обложили данью вначале Югорские земли, а затем Монгольскую (или Татарскую) державу, называемую тогда Сибирию. Последняя состояла в то время из древних улусов Ишимских и Тюменских, или Шибанских, известных в России с 1480 г. и названных так, вероятно, «по имени брата Батыева, Шибана, Единовластителя Северной Азии, на Восток от моря Аральского».

История Сибирского ханства трактуется по-разному.

Согласно Советской энциклопедии, Сибирское ханство – татарское полупфеодальное государство, создавшееся в XV в. как независимое от Ногайской Орды (которая, в свою очередь, образовалась в XIV в. на развалинах Золотой Орды), со столицей Чинги-Тура (на месте современной Тюмени). Оно охватывало территорию Западной Сибири между реками Тобол, Тура, Иртыш и Обь. Населено было в основном сибирскими татарами и покоренными ими в этой местности хантами, манси и другими местными народами.

Сопоставляя и рассуждая, И. М. Карамзин замечает, что Московские полки, воевавшие в 1483 г. на берегах Иртыша, еще не видели татар в этих местах, где уже существовала крепость Сибирь, в которой властвовал «Князь Лятик, без сомнения Югорский, или Остяцкий. Таким образом, Ишимские Ногайцы, соединясь с Тюменскими, не могли завладеть устьем Тобола раньше XVI в., а следовательно, захватили городок Сибирь, а не основали его».

И вот, как пишет Карамзин, «три купца и беглый Атаман Волжских разбойников дерзнули, без Царского повеления, именем Иоанна завоевать Сибирь», что открыло «второй мир для Европы, безлюдный и хладный, но привольный для жизни человеческой... где в недрах земли лежат металлы и камни драгоценные, в глуши дремучих лесов витают пушистые звери...»

Шел век великих географических открытий – в 1492 г. Христофор Колумб высадился в Америке, в 1497–1499 гг. Васко да Гама открыл морской путь в Индию, шла колонизация европейскими государствами неизвестных им стран и материков, захват и ограбление живущих там народов. Обо всем этом, без сомнения, рассказывали послы различных европейских государств на царских приемах. И любого из Российских царей, услышавших это, мог захватить вселенский ажиотаж по разделу мира.

В 1567 г. на юг за Сибирь были посланы царем с дружественными грамотами к «неизвестным властителям неизвестных народов два Атамана – Иван Петров и Бурнаш Ялычев. Они благополучно возвратились и представили Государю описание всех земель от Байкала до моря Корейского, побывав и в Китае, а по рассказам, узнав также о Туркестане, Бухарин, Кашгаре и Тибете».

Однако не только познавательные экскурсии волновали царей. Господство же России за Уралом было непрочно. Сибирское ханство признало Московского царя верховным властителем, но выплачиваемая дань не устраивала Москву. Кроме того, ханство частыми набегами «тревожило Великую Пермь» на границе России. Не было спокойствия и в российских владениях между Камой и Двиной, где уже издавна селились «привлекаемые туда естественным изобилием земли, дешевизной жизни, выгодами мены с полудикими соседственными народами...» (Составителю нашей «Истории...» трудно судить, по каким критериям оценивали Карамзин и его время степень дикости людей, но, судя по отмеченной фразе, обязательным качеством, свидетельствующим об этой «дикости», видимо являлась доверчивость людей, внутренняя убежденность во взаимной честности всякой мены.)

В числе этих свободных поселенцев российских были и купцы Строгановы, Яков и Григорий Иоанникиевы, или Аникины, отец которых разбогател солеварением на Вычегде и, согласно зарубежным летописям, первым открыл торговые пути за Уральские горы.

В качестве активных мер по «обузданию» Сибири Иван IV призвал упомянутых нами братьев Якова и Григория Строгановых, «как людей умных и знающих обстоятельства северо-восточного края России; беседовал с ними, одобрил их мысли». Царь дал им права на «пустые места, лежащие вниз по Каме от земли Пермской до реки Сылва, и берега Чусовой до ее вершины», позволил им там ставить крепости против набегов «от Сибирских и Ногайских хищников». Строгановым разрешено было иметь любое вооружение, воинов на своем обеспечении, принимать к себе любых вольных людей (но не беглых и не крепостных), самим судить своих людей, не обращаясь к Пермским наместникам. Царь освободил их от необходимости возить и кормить проезжих послов московских и сибирских, разрешил строить селения и развивать промыслы, а если случится найти серебряную, медную или оловянную руду, немедленно извещать Государственное Казначейство.

Пользуясь предоставленными правами, деятельные и богатые Строгановы с 1558 по 1570 гг. построили городки, крепости и остроги на берегах Чусовой и Сылвы, создали войско, распоряжались и судили своих людей, как князья, «обороняли Северо-Восток России и в 1572 г. смирили бунт Черемисы, Остяков, Башкирцев, одержав знатную победу над их соединенными толпами...» «Сии усердные стражи земли Пермской, сии населители пустынь Чусовских, сии купцы-Владетели, распространив пределы обитаемости и Государства Московского до Каменного Пояса, устремили свою мысль и далее».

Здесь мы вновь оговоримся. Для объективности комментария относительно усмирения бунта нерусских народов и «населителей пустынь» приведем еще фразу из Советской Энциклопедии о Строгановых: «Строгановы... захватывали земли у сибирских народов и заселяли их русскими крестьянами».

Но продолжим повествование. По данным Карамзина, Кучум, утвердив власть над Тобольской Ордой, усилившись степными киргизами и ногайцами, прекратил выполнять обязанности данника Москвы, тайно поддерживал связь с черемисами. Он настраивал чере-

мисов к бунту против Москвы и под угрозой смертной казни запрещал остякам, югорцам, вогулам платить дань России. Прослышав про настроенные Строгановыми крепости, в июле 1573 г. Кучум послал на разведку своего племянника Маметкула. Как рассказывает летопись, Маметкул убил несколько верных России остяков, пленил их жен и детей, а также московского посла Третьяка Чебукова, ехавшего в Киргиз-Кайсакайскую Орду, но, разведав, что в Чусовских городках много пушек и воинов, повернул назад. Строгановы не преследовали его, но сообщили о происшествии царю и попросили грамоту, которая позволяла им «строить крепости на земле Сибирской, чтобы стеснить Кучума в его собственных владениях и навсегда утвердить безопасность наших». 30 мая 1574 года такая грамота была им выдана. Она позволяла им укрепиться на берегах Тобола и вести войну с Кучумом *«для освобождения первобытных жителей Югорских, наших данников, от их ига... набираться там опыта по изготовлению железа, меди, олова, свинца, серы, а также безошлинно торговать»*.

Братья Яков и Григорий Строгановы, однако, до конца жизни так и не воспользовались полученными правами (не смогли или не захотели), оставив «свое богатство, ум и деятельность в наследие меньшему брату Семену, который вместе с племянниками, Максимом Яковлевым и Никитою Григорьевым, счастливо осуществил их славное намерение...»

Однако и они не решились его осуществлять своими руками, призвав для этого к себе на службу все ту же разбойную вольницу.

Мы уже упоминали такие походы, когда целые полки «охотников» во главе с Александром Абакуновичем в 1364 г. ходили по Оби до самого моря, сражались с иноплеменными Сибирскими народами, захватывая в плен семьи и имущество побежденных, а затем разбойничали и на Каме, в Болгарии.

Теперь Строгановы обратились к буйным атаманам волжским, к которым принадлежали тогда Ермак Тимофеев, Иван Кольцо, осужденный царем на смерть, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мерещак, «известные удальством редким». «Слыша, как они ужасают своей дерзостью не только мирных путешественников, но и все окрестные Улусы кочевых народов, умные Строгановы предложили сим пяти храбрецам службу честную; послали к ним дары, написали грамоту ласковую (6 апреля 1579 г.) убеждали их отвергнуть ремесло, недостойное Христианских витязей, быть не разбойниками, а воинами Царя Белого... идите к нам оборонять Великую Пермь и Восточный край Христианства». Атаманы даже «прослезились», читая послание. И откликнулись: собрали 540 отважных бойцов и 21 июня прибыли к Строгановым.

«Чего хотели одни, что обещали другие, то исполнилось, – говорит летописец. – Атаманы стали грудью за область Христианскую. Неверные трепетали; где показывались, там гибли». Известно, например, что 22 июля 1581 г. казаки разбили наголову Мурзу Бегулия, пытавшегося с семьями вогуличей и остяков грабить селения на Сылве и Чусовой.

Но вот Строгановы приступили к главной своей задаче: под командованием Ермака Тимофеевича и его казаков, собрав дружину из 840 русских, татар, литовцев и немцев, выкупленных Строгановыми из неволи у ногайцев, и добыв современного оружия, Строгановы объявили поход на Сибирь. «Кто хотел чести, кто добычи; Донцы надеялись заслужить милость Государеву (прощение за совершенные преступления), а Немецкие и Литовские пленники свободу».

Мы не станем здесь описывать поход Ермака и его битвы в Сибири. Они должны быть известны читателю хотя бы в общих чертах. Следует полностью согласиться с причиной того, что определило победы Ермака над намного превосходящим по численности противником, которое дается у Карамзина: «...вооруженные стрелами и копьями... северные Монголы и татары не умели воспользоваться изобретением пороха и в конце XVI в. действовали единственно оружием времен Чингисовых».

Вначале Ермак уже одержал победу над самим Кучумом, бежавшим после битвы, и над его племянником Маметкулом, взятым в плен, так что остяки и вогулы, пожелай они перейти на сторону Ермака, могли уже не бояться мести разбитых наголову сибирских татар.

Но этого не произошло. «Далее начинались Юрты Остяков и Кондинских Вогуличей; там, на высоком берегу Иртыша, Князь их Демьян, имея крепость и в ней две тысячи воинов, готовых к битве, отверг все предложения Ермака».

Покоривши и эту волость, «Атаманы вступили в страну знатнейшего Князя Остяцкого Самара, который соединился с другими осьмью Князьками и ждал Россиян для битвы, чтобы решить судьбу всей древней земли Югорской. Хваляся мужеством и силою, Самар забыл осторожность; спал крепким сном вместе с войском и стражею, когда Атаманы в час рассвета ударили на его стан; пробужденный шумом, он схватил оружие и пал мертвый от первой пули; войско разбежалось...»

В Москве к тому времени правил уже Борис Годунов, который довершил завоевание Сибирского Ханства. Еще не зная о гибели Ермака, но прослышав об ослаблении его отряда из-за болезней и голода, он немедленно выслал отряд стрельцов под командованием воеводы Ивана Мансурова, а также воевод Василия Сукина, Ивана Мясного и Данила Чулкова с большим войском и огнестрельным оружием.

По совету казаков, Мансуров со стрельцами поплыли далее Иртышом, несмотря на осень, холод и морозы и, выйдя на берег при впадении Иртыша в Обь, основали деревянную крепость.

Воеводы Сукин и Мясной остановились на берегу Туры и на месте города Чингия (Чинги-Тура) основали город Тюмень.

Чулков заложил Тобольск и в нем в 1587 г. первую в Сибири христианскую церковь. Когда князь Сейдак, сменивший Кучума, подступил к Тобольску с войском, Чулков сообщил Мансурову и Мещеряку и, соединясь с ними, разбил Сейдяка. По другому преданию, Чулков пригласил к себе в гости Сейдяка и других его князей, там связал и отправил в Москву.

Позднее был еще поход нового воеводы Сибирского, князя Кольцова-Мосальского, который «ходил во глубину пустынь Ишимских и 1 августа 1591 года близ озера Чили-Кула истребил большую часть конницы изгнанника Кучума, который с шайками Ногайцев разбойничал в Барабинской степи».

Так довершилось падение Ногайского Иртышского ханства. Столицей Сибири стал Тобольск.

Россияне все более и более укреплялись в Сибири заложением новых городов от Печоры до Кети (приток Оби в Томской обл.) и Тары (приток Иртыша в Омской обл.) для безопасного сообщения с Пермью и Уфой. В 1592 г. были основаны Пелым, Березов, Сургут, в 1594 Тара, в 1596 Нарым и Кетский Острог – «неодолимые твердыни для диких Остяков и Вогуличей» (для освобождения которых, между прочим, согласно царской грамоте, как помнит читатель, россияне, собственно и были направлены в Сибирь).

Впрочем, мудрый и благоразумный Годунов, кроме воинов, стрельцов и казаков, посылал в Сибирь и земледельцев из Перми, Вятки и других областей Московского государства, закрепляя это важное приобретение для обеспечения государства новыми доходами. Он указал, в частности, «...земледельцев казенных и самых диких жителей Сибирских освободить от податей на год». И весьма предусмотрительно: в 1586 г. Сибирь доставляла в казну 200 000 соболей, 10 000 чернобурых лисиц и 500 000 белок, не считая бобров и др.

С тех пор, уже не имея военных действий, Россия продолжала заниматься основанием в Сибири новых городов – Верхотурья в 1598 г., Мангазеи и Туринска в 1600 г., Томска в 1604 г., населяя их, в основном, литовскими и малороссийскими казаками.

Согласно «Краткому историческому очерку административных учреждений Горного ведомства в России 1700–1900 гг.» (СПб.: Типография Г. А. Бернштейна, 1900), уже в XVI в.

усиливается поиск руд, в первую очередь, таких, которые необходимы для приготовления монеты, но и разных других, в том числе железных, причем этим занимаются уже не только по заданию правительства, но и частные лица. Как утверждается в этом издании, «одно время рудоискательская горячка охватила все сословия, и в XVII в. и духовные, и военные, и купцы, и иностранцы и другие лица пытались счастье в горном деле». Разведочные работы производились частью самостоятельно русскими людьми, частью под руководством приглашаемых правительством иноземных рудознатцев, по всему пространству тогдашних новых владений Московского Государства: по Двине, Мезени, Печоре, Цильме, на Урале, в Сибири до Нерчинска и даже в таких труднодоступных в то время местностях, как Югорский шар на самом Севере.

В качестве примера можно назвать «Наказ Дьяку **Василию Шпилькину**, отправленному для отыскания серебряной руды на Канином Носу, на Югорском Шаре и близ реки Косвы», от 12 мая 1661 г.

В другом указе от 1666 г. говорится «О всевозможном всепомоществовании, отправленным из Москвы для сыска в Кевроли и на Мезени серебряной и других руд рудознатцам **Князьям Милорадовым и Стрелецкому сотнику Некрасову**», а в Указе Петра Первого от 18.12.1696 г. – «О посылке в Томск Грека Александра Левандианы для изыскания в Сибири серебряной руды и о размножении рудников».

Организация геологической работы в то время описана А. К. Трошиным на примере Л. К. Кислянского в Трудах Института истории естествознания и техники (Т. 3. История геологогеографических наук, горной и металлургической науки. М.: Изд-во АН СССР, 1955).

Леонтий Константинович Кислянский с 1671 г. по 1678 г. состоял живописцем при Посольском приказе в Оружейной палате в Москве, где по своему профилю работ приобрел многочисленные познания в химии, красках и пр. Много читал. В 1680 г. был назначен в Енисейск письменным головой. В марте 1684 г. получил наказ «...проводывать у иноземцев и у русских людей всякими мерами накрепко...» о месторождениях руд, красок и нефти. Будучи письменным головой небольшого иркутского острога, проявил себя известным организатором поисков полезных ископаемых в Восточной Сибири, знатоком в определении и исследовании красок, селитры, графита, первооткрывателем признаков нефтеносности в Сибири. В частности, Л. К. Кислянский докладывал о найденной слюде по рекам Уре и Ангаре и около Байкала, о голубой краске по реке Витиму, о месторождении графита, о селитряных землях, о признаках нефти в скважине при впадении реки Иркут в Ангару и др.

Недавние исследования ученых Томского университета относят к этой эпохе средневековья (XV–XVII вв.) и освоение в Сибири железодельного производства из местных руд. Археологи А. М. Малолетко, А. В. Мананко и О. Ю. Паскаль, рассматривая вопросы производства железных изделий в Томском Приобье, по материалам городища Шеломок, получили результаты металлографических и металлофизических исследований и сделали вывод о всем применяемом технологическом процессе.

Сидеритовые руды добывались по берегам Томи выше устья р. Ушайки. Руда дробилась на небольшие (около 5 см) обломки, которые обжигались на костре в течение нескольких часов и измельчались затем до порошка. В ближайших старинных озерах или на низинных болотах добывали флюсы – довольно рыхлые скопления хемогенного кальцита с обильными раковинами моллюсков и заметно запесоченные.

В суглинистом грунте делалось углубление со сферическим дном, над которым создавалась из крупных галек и, очевидно, сланцевых плиток, найденных в большом количестве на городище, наземная конусообразная часть печи. Гальки и плитки скреплялись влажным суглинком, который добывался на месте. Печь обмазывалась глиной и затиралась рукой.

Для отделения железа от руды, которая представляла из себя полоторную окись железа, требовалось удалить атомы кислорода. Это осуществлялось с помощью древесного угля, который для окисления (сгорания) требует значительное количество кислорода.

Расплав руды испытывал гравитационную дифференциацию – более тяжелые частицы железа опускались вниз, легкие шлаки всплывали. Шлаки удалялись из печи, вероятно, не за один прием.

Экспериментально учеными установлено, что температура, которая создавалась в таких печах, достигала 1230–1250 °С. Получаемое кричное железо, найденное в раскопках, изучалось под микроскопом. В шлифах отмечались прожилки шлака и множество более рассеянных шлаковых включений.

Вероятно, кричное железо подвергали проковке, в ходе которой крупный шлак выкрашивался. Несколько кусков кричного железа могли свариваться в нагретом состоянии, мелкие изделия изготавливались в результате одной плавки.

Все это позволило археологам сделать вывод о том, что к XVII в. население Томского Приобья полностью освоило железоделательное производство, разрабатывая местные руды и производя все необходимые предметы.

Интересные сведения о железоделательном производстве приводит А. Р. Пугачев. **Кузнец Федор Еремеев** обнаружил железные руды в окрестностях Томска. Полученное из них железо было подвергнуто в Москве плавке, которая, как пишет автор, дала блестящий результат. Царской грамотой было предписано – из томского железа отливать только артиллерийское вооружение. Вернувшись осенью 1624 г., Еремеев приступил к разработке руды, о чем воевода сообщал в Москву: «Фетка с товарищи железо делают, ломают камни от города 3 версты, да пережигают, и того де железа родитца мало» (*Пугачев А. Р. Федор Еремеев – первооткрыватель железных руд Сибири // Вопросы географии Сибири. 1949. Вып. 1. С. 105–121*).

В XVII в. начинают возникать в России железоделательные заводы, которые строятся или правительством, или частными лицами, преимущественно иностранцами, при содействии и помощи правительства. Первый железоделательный завод был построен правительством на восточном склоне Урала, затем появляются частные заводы в средней России, близ Тулы и Москвы, затем на Севере – в Олонецком крае.

1611 г. – этим временем закончил Н. М. Карамзин свою «Историю Государства Российского», сведениями которой мы столь часто пользовались в нашем повествовании.

Основные шаги и проблемы по освоению Сибири в XVII в. и позднее представляется возможным показать, перелистав «Полное собрание законов Российской Империи», с 1649 г., начатое первым изданием в период царствования Петра Первого, а также энциклопедические справочники и другие материалы.

В предисловии к «Полному собранию законов...» подчеркивается, что законы отображают внутреннюю жизнь государства: в них видно, как нравственные и политические его силы складывались, прогрессировали и изменялись. «История Государства без познания Законов не может иметь ни ясности, ни достоверности, так же как, с другой стороны, и Законы без Истории часто могут быть не понимаемы». Кроме того, в законах отражаются самые острые экономические проблемы, решаемые государством в тот или иной период.

Здесь видна расширяющаяся на Север и Восток география Российской Империи.

Еще задолго до знаменитых Камчатских экспедиций проходило познание Севера Западной Сибири, Восточной Сибири и Дальнего Востока первыми землепроходцами и мореходами. Их целью часто был поиск руд, промысел морского зверя и пушной промысел, а то и попутный захват новых земель, принуждение их населения к дани (так называемое «обьясачивание»).

Эти люди проходили через невероятные трудности, обладали исключительным мужеством и отвагой, правда, применяя слова Карамзина, во многом такие качества подпитывались тогда «не желанием славы, но желанием добычи». Однако же их походы несомненно приводили к узнаванию для потомков новых мест для последующих, уже научных или просто более «цивилизованных» походов.

Обычно отсчет этой эпохи *Российских великих географических открытий* начинается после описанного нами ранее похода Ермака (1581–1584). Но надо не забывать и о том, что уже в XI в. русские мореплаватели вышли в моря Северного Ледовитого Океана. Поморы в XII–XIII вв. открыли для себя Вайгач, Новую Землю, в XV в. – Шпицберген, Медвежий (*Бадигин К. С.* Ледовые плавания русских поморов с XII по XVIII век. М.: МГУ, 1953). Не следует забывать и о том, что, вероятно, многое о побережье северных морей и ближайших островах издавна знали и проживавшие там коренные народы (чукчи, ненцы, коряки, эскимосы и др.), также обладавшие средствами передвижения собственной конструкции по суше и по морю.

К первой половине XVI в. относится освоение западного участка Северного морского пути – от Северной Двины до Тазовской губы в устье Оби, получившего название «Мангазейского морского хода». К 1572 г. в низовьях реки Таз появился первый поморский полярный порт, на месте которого в 1601 г. возникла «златокипящая» Мангазея – форпост дальнейшего освоения Северного морского пути.

Вторым направлением освоения Севера и Востока были экспедиции, осуществлявшиеся по рекам Восточной Сибири.

Кондратий Курочкин в 1610 г. прошел от верховьев (Маковский острог) до устья Енисея.

Промышленник **Пенда** в 20-х гг. XVII в. поднялся от устья Нижней Тунгуски до ее истоков.

Максим Перфильев в 1627 г. и 1639 г. совершил путешествия по Ангаре и верховьям Лены.

В 1633 г. землепроходец и мореплаватель, якутский казак Восточной Сибири **Михаил Васильевич Стадухин** возглавил поход на р. Вилюй.

Иван Ребров и **Илья Перфильев** в 1633–1636 гг. прошли от Якутска вниз по Лене до ее устья и обследовали морем побережье до устья рек Оленек и Индигирка.

Иван Москвитин в 1639–1640 гг. проследовал от Якутска, основанного в 1632 г., по Лене и Алдану, прошел по р. Мая к побережью Охотского моря, а затем морем – до впадения Уды и вверх по Уде.

А в 1640–1644 гг. **Михаил Стадухин** во главе отряда служилых людей, уже вместе с **Семеном Ивановичем Дежневым**, проплыл по Индигирке до Северного Ледовитого океана. Летом 1643 г. морем они достигли устья Колымы, где приняли участие в основании Нижне-Колымского острога. Во время экспедиции С. Дежнев побывал на Оймяконском плоскогорье и на р. Яне. По данным Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона, в 1644 г. **Михаил Стадухин** открыл р. Колыма и сообщил сведения о неизвестном тогда чукотском народе.

Василий Поярков в 1643–1648 гг. ходил от Якутска по Алдану, Зее и Амуру к Охотскому морю, затем по морю вдоль побережья – до Охотска, а от него к Алдану. О нем, как о первом, совершившем путешествие по Амуру, достаточно подробные сведения находим в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона (1890) по информации В. Е. Рудакова.

«Вернувшийся в 1641 г. из путешествия по р. Витиму служилый человек **Максим Перфильев** объявил якутским воеводам о нахождении серебряной руды на р. Уре. Для розыска последней, а также “медной и свинцовой руды и приведения под цареву руку новых людей”,

живших по Шилке и Зее, был послан с 180 человеками (письменный голова) **Поярков**; он плыл по рр. Алдану, Угуру, Гономе, на последней пробыл в зимовке только 2 недели и с 80 казаками к весне добрался до р. Зеи, пройдя с неимоверными усилиями через “Камень” (Становой хребет). В стране даурской он ожидал прихода остальных казаков и, несмотря на сильный недостаток в съестных припасах, старательно “разведывал про руду, про синюю краску и про дорогие камни”. С прибытием казаков Поярков поплыл вниз по Зее и вошел в Амур, приняв его за Шилку; дошел до устьев Амура, где обложил ясаком гиляков и зимовал. Отсюда Поярков и его спутники решили возвратиться в Якутск морем, но выброшенные на сибирский берег, после долгого плавания по морю, вернулись в Якутск только в 1646 г., привезя с собой 12 сороков соболей и несколько гиляков. В отношении к своим служилым людям – казакам Поярков проявлял большую жестокость». После путешествия по Амуру Поярков доказывал необходимость освоения его Россией, что крайне выгодно ввиду «добрых земель в Пегой Орде (Приамурском крае)», но тогда его мысли не осуществились.

Продолжались дальнейшие экспедиции (Карские) с целью вывоза на мировой рынок. В 20-х гг. XVII в. морские пути из Мангазеи уже простирались вокруг полуострова Таймыр к устью Лены.

А в 40-х гг. XVII в., благодаря походам **Федота Алексеева Попова** и **С. И. Дежнева**, появилась возможность продлить эти пути вокруг Чукотского полуострова. В 1647 г. в поисках новых промысловых районов Федот Попов организовал морскую экспедицию из устья Колымы в устье Анадыря, к которой примкнул и *Дежнев в качестве сборщика ясака*. Первая попытка была неудачной из-за тяжелой ледовой обстановки. В 1648 г. была предпринята вторая попытка экспедиции на семи кочах.

Напомним читателю, что кочи, согласно Морскому энциклопедическому справочнику (МЭС), это парусно-гребные суда поморов XI–XIX вв., плоскодонные с приподнятыми оконечностями, однопалубные, первоначально длиной 10–15 м, шириной 3–4 м, осадкой 1,0–1,5 м. Оснащались мачтой, навесным рулем и веслами. При попутном ветре ставился прямой парус, иногда выделанный из шкур, позволявший развивать скорость 6–7 узлов. Кочи строились вначале без применения металла. К описываемому нами времени (XVI–XVII вв.) длина кочей возрастала до 20–25 м, ширина до 5–8 м, осадка до 2 м. Крепились коч уже железными гвоздями и болтами. Подобное судно могло вмещать до 10–15 человек команды и до 30 промысловиков. Команда и камбуз размещались в трюме. На корме устраивали небольшую каюту («казенку») для капитана и приказчика. На палубе располагали две небольшие лодки для промысла и развозов. Парус площадью до 120 кв. м позволял на коче проходить до 250 км в сутки.

Вот на семи примерно таких кочах в 1648 г. экспедиция Попова с участием Дежнева прошла вдоль морского побережья от устья Колымы в Тихий океан, обогнула Чукотский полуостров, пройдя в проливе между Азией и Америкой. Во время бури суда Попова и Дежнева разлучились, коч Дежнева приблизительно в районе Олюторского п-ова был выброшен на берег, и Дежнев по суше достиг устья Анадыря. Позднее им был создан там Анадырский острог. Коч Попова прибило к берегам Камчатки, где он разбился. Об этом плавании стало известно лишь во время 2-й Камчатской экспедиции, поскольку материалы об этом плавании 80 лет пролежали в Якутском остроге. По-видимому, лишь тогда было осознано, что был пройден пролив между Азией и Америкой.

О том же, что морские пути и ближайшие острова были хорошо известны коренному населению, свидетельствует хотя бы тот факт, что Стадухин в своей «отписке» о морском плавании указывал, что к Северу от Колымы имеется большой остров, на который чукчи, когда замерзает море, добираются на оленях за один день (имелись в виду Медвежий острова).

Михаил Стадухин в 1651–1652 гг. предпринял новое путешествие: он по суше проследовал с Колымы к верховьям р. Анадырь, спустился до устья, а затем вновь вернулся в верховья и, направляясь на юго-запад, прошел на реки Пенжину, Гижигу, Тяуй и Охоту, то есть вдоль всего берега Охотского моря до Охотска, где тогда им был образован острог.

Из других экспедиций землепроходцев второй половины XVII в. одними из наиболее значительных были походы **Ерофея Хабарова** – в 1697–1699 гг. – по Олекме и Амуру.

По духу экспедиций XVII в. характерны сведения о **Владимире Атласове (Отласове)**. В 1672 г. он был принят в Якутске на царскую службу для сбора ясака и поиска новых земель. В 1697 г. во главе отряда в 120 человек двинулся на Камчатку с целью присоединения ее к России. На Камчатке обложил данью местные народы и оформил ее присоединение установкой памятного креста в устье Крестовки.

В целом эти «служилые» (сибирские казаки разных рангов), а также торговые и «промышленные» люди (занимавшиеся преимущественно пушным промыслом и поиском руд), как свидетельствуют энциклопедические обобщения и архивные материалы, в труднейших природных условиях прошли по неведомым для них местностям, проследовали по всем наиболее значительным сибирским рекам до их устьев и их притокам, плавали по Ледовитому океану, узнали обширные территории Сибири и Дальнего Востока, составили множество «чертежей», схематических карт и описаний природы и населения посещенных ими мест, о чем посылали донесения – («отписки», челобитные, «скаска»), о своих походах, и подчинили государству много новых земель, о которых до этого существовали лишь отрывочные и туманные сведения.

В законе от 1681 г. (Т. 2. Ст. 898) перечисляется узаконенное ранее и устанавливаемое вновь епископство (архиепископство) по всей территории государства, в том числе на Севере Российском: на Белоозере, в Олонце, Кольском остроге, в Устюге, Перми, Соли-Камской, в Кунгуре, в Верхотурье, в Тюмени, в Томске, в Енисейске, на Лене.

А к маю 1719 г. деление и обустройство так называемых Сибирских губерний было следующим (Т. 6. Ст. 3380):

<i>Сибирские губернии</i>	<i>Число дворов</i>
I. Вятка с пригородами, Кай-Городок и Кунгур	10908
II. Соль Камская	12005
Пермь Великая и Чердынь	1421
III. Сибирские города:	
Тобольск	18135
Тара	2075
Верхотурье	3483
Туринск	863
Пельвань	301
Березов	248
Сургут	176
Нарым	193
Кеиц	73
Томск	2532
Кузнецк	617
Енисейск	1466
Красноярск	27
Мангазея	174
Илимск	1302
Якутск	429
Иркутск	1740
Нерчинск	781

27.08.1689 г. (Т. 3. Ст. 1346) в качестве закона принят «Договор между Россией и Китайским Государством, учиненный на съезде в Нерчинске. О назначении границею между обоих Государств реки Аргуни, в Амур впадающей. О выдаче перебежчиков, о взаимной торговле, о проезжих грамотах и о казни воров и разбойников».

Обзор и хроника законов Государства Российского второй половины XVII в. показывают, как Север, Сибирь все больше начинают привлекать важнейшие государственные структуры. И если в 1650–1660 гг. Сибири посвящены лишь единичные указы, то в последнее десятилетие века по делам сибирским было издано более половины всех законов и царских указов. Из них отчетливо видно, что царь и государство ожидали от Сибири, какие выгоды хотели от нее получить.

Одним из главных было **стремление отыскать руды серебряные** для чеканки денег в царскую казну.

Важным в использовании Сибири было совмещение наказания преступников и заселение этого нового края: уже существовали остроги Тобольский, Селенгинский, Кузнецкий, Томский, Якутский, Туринский.

Однако несравнимо ни с какими другими выгодами и целями тогда была задача пополнения казны государства от продажи пушнины (где обычно выделялись соболя от остальных видов пушнины, называемых мягкой рухлядью).

Это особенно чувствуется при обзоре законов и указов в период царствования Петра I (с 1682 г.), в поисках средств для своих многочисленных начинаний, видимо, сразу усмотревшего, что после завоевания Сибири Россией туда повалили толпы купцов и просто россиян, желающих нажиться на пушнине путем обмана доверчивых или запуганных завоевателями хантов, остяков и других народов, которые, после объявления им новой власти об обязанности платить ясак пушниной, стали обобщенно в указах и законах называться ясачными людьми.

Петр I увидел, каких огромных средств при этом лишается казна, и, как это видно из приводимой ниже хроники законов и указов, старался упорядочить течение в царскую казну пушистого потока из Сибири.

Том 1. Ст. 408. (1663 г.)

«Новоторговый устав. Соборы на торговлю соболями».

Том 2. Ст. 1050. (1683 г.)

«О сборе пошлины с провозимых из Сибири соболей».

Том 3. Ст. 1522. (18.12.1695)

«Об оценке в Сибирских городах ясачных мехов без прибавки, о присылке ценовых ведомостей за подписью Воевод». Том 3. Ст. 1526. (26.12.1695)

«О нечинении казней и пыток Сибирским ясачным инородцам ни по каким делам без доклада Государям, об охранении их от обид и налогов и притеснений, о посылках приказчиков для ясачного сбора людей добрых по выбору градскому, и о наблюдении, чтобы они ясачных людей не грабили, запрещенными товарами не торговали, и вина не курили и не продавали».

Том 3. Ст. 1529. (1696 г.)

«О приеме в подать от ясачных людей соболей с хвостами». Том 3. Ст. 1530. (1696 г.)

Боярский приговор. «Об осмотре Верхнетуруинскому таможенному Голове едущих из Верхотурья к Москве и из Москвы в Сибирь Воевод и торговых людей, о проверке вещей и товаров их с данными им таможенными выписями и проезжими грамотами и об отбирании в Казну провозимых ими тайно товаров».

Том 3. Ст. 1533. (1696 г.)

«О не взятии торговым людям у Сибирских Воевод, Дьяков и их родственников соболей и других товаров для провоза и торгова оными под своим именем».

Том 3. Ст. 1535. (1696 г.)

«О взятии показаний с торговых людей в Сибирских городах о всех злоупотреблениях по управлению и о притеснениях торговых людей от бывших там воеводами Князей Гагариных». Том 3. Ст. 1545. (1696 г.)

Боярский приговор. «О взыскании с Воеводы и с Таможенной Головы незаконно взятых пошлин, о не продаже мягкой рухляди и Китайских товаров из Сибирских таможен».

Том 3. Ст. 1547. (1696 г.)

«О взыскании с бывшего в Туринске Воеводою Морева казенных денег, неказавшихся в наличности».

Том 3. Ст. 1553. (1696 г.)

«О продаже соболей и иной мягкой рухляди на деньги по ерлыкам и о записи в книги, сколько чего продано и денег взято».

Том 3. Ст. 1559. (1696 г.)

«О создании вновь казенной печати Сибирского Царства, о прикладывании оной к грамотам и подорожным, о не пропуске никого с грамотами без печатей и о конфисковании провозимых товаров и вещей, у которых сей печати не будет».

Том 3. Ст. 1571. (1697 г.)

«О взимании с купцов, прикащиков и работников, которые будут просить проезжих грамот для торгового промысла в Сибирские города, пошлин с каждого по рублю».

Том 3. Ст. 1578. (1697 г.)

«О покупке соболей и других мехов из Казны и о неприводе оных из Сибири в Москву и другие города без таможенной печати».

Том 3. Ст. 1590. (1697 г.)

Из Преображенского в Сибирский Приказ. «О неприводе табаку в улусы к инородцам для мены на соболь или всякую рухлядь, под смертною казнию, и о непропуске откупщиков из Сибири с соболями и другой мягкой рухлядью, под угрозой конфискации».

Том 3. Ст. 1599. (1697 г.)

«О записи обменных товаров на соболей и всякую мелкую рухлядь в приходные книги».

Том 3. Ст. 1600. (1697 г.)

«О написании в таможенных выписках во всех Сибирских городах каждого товара порознь, с обозначением цены и взятой по указу пошлины».

Том 3. Ст. 1602. (1697 г.)

«О мене на товары и покупки за деньги соболей в Казну в Сибирских городах».

Том 3. Ст. 1603. (1697 г.)

«О посылке в Сибирские города оружейника Василия Шишалова с товарищами для сбора таможенных пошлин и винной продажи».

Том 3. Ст. 1604. (1698 г.)

«О продаже оставшихся соболей...»

Том 3. Ст. 1620. (1698 г.)

«О взимании пошлин с товаров, продаваемых из Сибирского и иных приказов по Торговому уставу».

Том 3. Ст. 1651. (1698 г.)

«О собрании в Сибирских и поморских городах с товаров таможенных пошлин».

Том 3. Ст. 1665. (1699 г.)

«О запрете на пропуск в Сибирь и обратно без указа Сибирского приказа знакомцев и свойственников Сибирских воевод и людей их, о взятии явившимися у них в провоз соболей и прочих товаров, о присылке их в Москву в Сибирский приказ и о держании тех людей до указа из Верхотурья».

Том 3. Ст. 1670. (1699 г.)

«Наказные статьи в Сибирь Тюменскому Воеводе, Стольнику Осипу Яковлевичу Тухачевскому и прочим будущим Тюменским Воеводам».

Обеспечивая необходимые деньги для казны, Петр I всячески добивался государственной монополии на изготовление и продажу вина и особенно в еще малоупорядоченной жизни Севера и Сибири, чему посвящен ряд строжайших указов.

Что касается Севера и Сибири, монополия на изготовление и продажу вина имела значение главным образом в предотвращении спаивания коренного населения в стремлении брать пушнину за бесценок. И вряд ли основным при этом была забота о существовании и качестве жизни коренного населения. Но спаивание давало возможность, во-первых, приобретать пушнину за бесценок кому угодно, во-вторых, снижало производительность охоты «ясачных людей», а следовательно, решительно подрывало сами основы поступления в казну этих баснословных доходов.

В заключение настоящей главы отметим также, что в XVI–XVII вв. помимо путешествий, поиска руд и промысла в Сибири и Северо-Восточной Азии, в России начинали закладываться и первые опыты географического картирования.

Согласно А. А. Кузину (Развитие чертежного дела в России (до XVIII в.). Первые сведения о географических картах-чертежах. М.: Изд-во АН СССР, 1955), вначале развитие поместной системы потребовало участия государства в установлении межей между землями помещиков. Этим были созданы условия для превращения карт-чертежей в официальные документы.

Сведения о существовании карт-чертежей в первой половине XVI в. дошли из описи царского архива. В 1556 г. с целью проведения общего межевания был составлен Писцовый приказ. Согласно показаниям В. Н. Татищева, к наказу были приложены «Землемерные начертания». Эти документы не сохранились, но Татищев утверждал, что наказ был составлен людьми, знающими геометрию. Тогда же появилась «Книга именуемая геометрия или землемерия радиусом и циркулем; книга глубоко мудрая, по словам сочинителя, дающая легкий способ измерять места самые недоступные». Очевидно, что такой труд мог возникнуть только в результате требований со стороны практики.

К середине XVI в. относится составление общей географической карты Московского государства – Большого чертежа. Как известно, Большой чертеж до нас не дошел, но представление о нем дает Книга Большого чертежа, являющаяся его пояснением – «рописью».

Помимо межевания земельных владений, карты составлялись для колонизации земель (А. А. Кузин), судопроизводства по земельным делам, а также для военных целей. Начало разработки руд в XVII в. также потребовало составления картографического материала.

Из дошедших до нас первых государственных (то есть охватывающих европейскую или азиатскую часть Московского государства) карт XVII в. А. А. Кузиным упоминается три карты-чертежа:

- 1) Карта Герритса, издание 1613 г.;
- 2) Карта Сибири Петра Годунова 1667 г.;
- 3) Карта Сибири Ремезова 1698–1701 гг.

Карта Герритса является тем самым «чертежом земли Московской», который упоминает А. С. Пушкин в «Борисе Годунове».

Карта Сибири Петра Годунова, выполненная на дереве размером 38 × 30 см, не имела градусной сетки и масштаба.

В 1697 г. Сибирский Приказ предписал сделать карты Сибири, потому что «... в Сибирском Приказе Сибирским городам чертежей нет и ведать не по чему». «Писать чертежи на холостине и сколько верст или дней ходу город от города, так же и русские деревни и волости

и ясашные волости от того города и на каких реках те города стоят и то описать имянно...
в котором месте какие народы кочуют и живут».

Выдающиеся полярные мореходы и землепроходцы России XVIII–XIX веков

Путешествия по поручениям Петра Великого

Первая Камчатская экспедиция

Экспедиции XVIII в. в сравнении с походами XVII в. в большей своей части имели уже совсем иной качественный уровень, а именно:

– большинство из них уже в полной мере можно называть географическими, океанографическими, гидрографическими, геологическими, поскольку здесь проводились инструментальные измерения, точное картирование и даже научные описания;

– экспедиции инициировались уже не военными или вольными устремлениями казаков, торговых или частных «промышленных» людей, а, как правило, правительственными структурами (распоряжениями царя, Адмиралтейства), и имели вполне определенные задачи по географии, навигации, геологии;

– уровень результатов экспедиций был таков, что они охотно и эффективно использовались в деятельности Адмиралтейства, Академии наук и др.; это обстоятельство резко отличает их от экспедиций XVII в., когда, например, записи Попова и Дежнева, прошедших первыми из россиян по проливу между Азией и Америкой, без соответствующего внимания и использования пролежали 80 лет в Якутске.

Почему подобные «скаска» могли лежать тогда «туне»? Можно сделать ряд предположений.

Быть может, недостаточны были качество, точность и детальность описаний. Возможно, в XVII в. Россия, да и мир в целом еще недостаточно созрели для оживленных торговых контактов между странами и континентами. Могло влиять и то, что, предпринимая свои походы с чисто промысловыми и торговыми интересами, землепроходцы и мореходы XVII в. и не всегда были особенно заинтересованы в широком ознакомлении других промышленников с освоенными ими новыми местами, считая их в какой-то мере «своими».

А может быть, просто потому, что многое в России пошло лишь от **Петра I**. Ведь именно его чаяниями и трудами была создана в 1724 г. Петербургская академия наук. Ему и созданной им Академии принадлежит выдающаяся роль в развитии отечественного мореплавания, географии, организации ряда географических и геологических экспедиций, в том числе в северных и восточных морях (Камчатские экспедиции).

Но именно вследствие того, что экспедиции XVIII в. имели более определенные и, следовательно, более ответственные задачи, а также ввиду перемещения сферы изучения на более северные широты и в Арктические моря и их побережья, эти путешествия изобиловали одновременно как выдающимися достижениями, так и человеческими трагедиями.

Мы кратко расскажем об этих экспедициях и походах в хронологической последовательности и посоветуем нашему читателю взять карту для дальнейшего чтения. В нашем описании этой главы мы используем различные энциклопедические материалы разных лет, в частности: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Эфрона, 1890 (ЭСБЭ), Большую энциклопедию, СПб., 1900 (БЭ), Малую советскую энциклопедию, 1958–1960 (МСЭ), Морской энциклопедический справочник, Ленинград, 1987 (МЭС) и др.

Вагин Меркурий – сибирский казак, по распоряжению якутского воеводы вместе с сыном, казачьим старшиной Яковым Пермяковым и 8 казаками первым совершил путешествие на Ляховские острова архипелага Новосибирские острова в Северном Ледовитом океане. Я. Пермяков ранее (в 1710 г.) вел морской промысел на побережье моря Лаптевых от устья Лены до пролива Дмитрия Лаптева, обследовал побережье о-ва Б. Ляховский, устье Индигирки и Колымы, открыл один из Медвежьих островов. В 1712 г. Вагины и Пермяков с казаками, выйдя из Усть-Янска (берег моря Лаптевых) на собачьих упряжках, вначале по суше до мыса Святой Нос, а затем по льду моря дошли до Б. Ляховского острова. Там они увидели второй остров. Из-за недостатка продовольствия и сильных морозов идти к нему не решились и вернулись на материк к мысу Святой Нос. Вагин предполагал здесь перезимовать, а весной отправиться на острова, но измученные казаки отказались подчиниться, убили Вагина, его сына и казачьего старшину Пермякова, вернулись в Усть-Янск, где были разоблачены и преданы суду.

Попов Петр Ильич – русский землепроходец и исследователь Арктики. В поисках новых промысловых районов в 1711 г. на коче спустился по р. Анадырь и достиг района мыса Дежнева, пересек Берингов пролив, собрал сведения о быте чукчей и эскимосов, природе Чукотки и Аляски, промысловых районах, а также о кратчайшем пути на Аляску через Берингов пролив.

В 1719 г., согласно Ст. 3266 2-го тома «Полного собрания законов Российской Империи», Петр I отправил **Ивана Евреина** и **Федора Лужина** до Камчатки, для разрешения вопроса, соединяется ли Северо-Восточная Азия с Америкой. «Ехать вам до Тобольска, а от Тобольска, взяв проводников, ехать до Камчатки, а далее, как указано», – говорилось в инструкции.

Иван Михайлович Евреин, русский геодезист, закончил московскую навигационную школу в 1716 г., затем учился в геодезическом классе Морской академии в Петербурге.

Решение вопроса о соединении Азии с Америкой было лишь частью задачи Ивана Евреина и навигатора Лужина. Кроме этого, они были посланы на Камчатку и Курильские острова с целью геодезической съемки приметных мест и нанесения их на карту, поскольку для регулярного морского сообщения между Охотском и Камчаткой, начатого с 1715 г., требовались надежные навигационные ориентиры. И хотя вопрос о соединении Азии с Америкой суждено было разрешить окончательно лишь

Камчатским экспедициям, Евреин и Лужин более точно определили очертания берегов Камчатки и Курильских островов, описали все проливы Курильских островов, а также острова Атласова, впервые определили координаты 33-х наиболее приметных навигационных пунктов на Камчатке и Охотском побережье и нанесли на карту 14 островов Курильской гряды. По сути дела, этими исследователями была составлена первая карта Дальнего Востока, основанная на инструментальной съемке (МЭС).

Мессершмидт Даниил, немец по происхождению, провел одно из первых основательных и комплексных исследований Сибири, в том числе в сфере геологии. В 1720–1727 гг. по заданию Петра I путешествовал по Сибири – от Тобольска до Забайкалья включительно. Собрал большое количество разнообразных коллекций – ботанических, зоологических, минералогических. Составил ценный отчет «Обозрение Сибири, или три таблицы простых царств природы» в 10-ти томах, широко использовавшийся многими учеными из-за обилия в нем сведений по истории, этнографии, географии, экономике, флоре и фауне. (В частности, заметим, что эти исследования были сделаны еще до М. Ломоносова, который в 1730 г. 19-летним юношей еще только уходил учиться.)

Важнейшую роль в освоении Северо-Востока России сыграли две Камчатские экспедиции, вошедшие в когорту Великих Северных Экспедиций.

Первая Камчатская экспедиция осуществлялась с 1725 по 1730 гг. под руководством капитана-командора **Витуса Йонассена Беринга**. Выходец из Дании, Беринг в 1703 г. окончил в Амстердаме Морской кадетский корпус. Был приглашен на службу в Россию как опытный мореплаватель. Участвовал в походах Петра I, водил корабли в Белом, Балтийском и Баренцевом морях.

Помощниками Беринга по руководству Первой Камчатской экспедицией были назначены капитан-командор **Алексей Ильич Чириков** и капитан 1-го ранга **Мартын Петрович Шпанберг**.

А. И. Чириков окончил Морскую академию в Петербурге в 1725 г. и преподавал в ней навигацию. М. П. Шпанберг, датчанин по происхождению, находился на русской службе с ноября 1720 г.

Перед Первой Камчатской экспедицией ставилась задача обследовать восточные берега России на Север от Камчатки, выяснить, соединяются ли Азия и Америка (с этой задачей, как выше было показано в Указе Петра I, ранее были также отправлены через Тобольск Евреинов и Лужин).

Экспедиция выехала из Петербурга в начале 1725 г. и в конце 1726 г. достигла Охотска. Поскольку в состав экспедиции были включены корабельные мастера, плотники и матросы, вскоре в Охотске было построено судно «Фортуна» (одномачтовый шитик с парусным вооружением галиота), на котором уже летом 1727 г. прибыли на Камчатку. В Нижнекамчатске (ныне Усть-Камчатск) был построен бот «Святой Гавриил», на котором в 1728 г. экспедиция осуществила свое плавание.

В XVII–XVIII вв. *ботом* стали называть (МЭС) небольшие гребные или парусные одномачтовые суда длиной 11–18 м, шириной 3–4,5 м с косым парусным вооружением типа тендера, предназначенные для связи, разведки, десантных операций и других целей. Большие боты строились палубными водоизмещением до 60–80 т, с экипажем до 36–40 чел. «Святой Гавриил» имел длину 18,3 м, ширину 6,1 м.

Пройдя вдоль побережья Камчатки на Север, бот вошел в пролив, отделяющий Азию от Америки и получивший имя Беринга. Когда бот пересек Полярный круг и дошел до 68° 18' сев. широты, Беринг посчитал задачу экспедиции выполненной и приказал лечь на обратный курс. В 1729 г. экспедиция предприняла повторно попытку достичь берегов Америки. Попытка, однако, закончилась неудачей из-за плохой погоды, и в марте 1730 г. руководители экспедиции прибыли с отчетом в Петербург. В ходе экспедиции были открыты о-ва Святого Лаврентия, Ратманова, Диомида, описаны Чукотский полуостров, южное побережье Камчатки и Первый Курильский пролив.

Тем временем русский мореплаватель **Иван Федоров** в 1732 г., командуя судном «Святой Гавриил» в плавании к берегам Берингова пролива, с участием **Михаила Семеновича Гвоздева**, подпоручика, геодезиста, исследовал острова Ратманова и Крузенштерна, подошел к северо-западному берегу Америки.

Именно Федоров и Гвоздев впервые нанесли на карту американское побережье Берингова пролива.

Пример **Амоса Кондратьевича Корнилова** – русского полярного мореплавателя, совершившего ряд плаваний в поисках морского зверя в Белом и Баренцевом море, показателен для путешествий XVIII в. именно тем, что даже мореходы, предпринимавшие частные промысловые походы, были уже внутренне охвачены интересом более детального изучения окружающего мира. А. К. Корнилов неоднократно посещал острова Шпицберген, где оставался на зимовки в 1737, 1738, 1739 гг. Согласно данным МЭС, во время плаваний и зимовок он вел дневник, занося в него свои наблюдения над льдами, морскими течениями, господствующими ветрами, местами расположения лежбищ морских зверей, направлениями полета птиц, полярными сияниями, температурой воды и воздуха. А. К. Корнилов первым

подробно охарактеризовал явление так называемого ледового отблеска – отражения на облаках ледовых полей, находящихся за горизонтом. Дневники Корнилова попали к губернатору Архангельска, а от него в Адмиралтейство в Петербурге. Результаты его наблюдений были использованы, в частности, Ломоносовым в книге «Краткое описание разных путешествий по северным морям».

Вторая Камчатская экспедиция

В 1734 г. около 500 морских офицеров, ученых, матросов собрались в Тобольске, чтобы приступить к осуществлению Второй Камчатской экспедиции, назначая которую, Сенат Российской назвал ее «самой трудной, дальней и никогда не бывалой».

Вторая Камчатская экспедиция (1733–1743 гг.) была организована по инициативе Беринга и поддержана обер-секретарем Сената И. К. Кирилловым. По плану, разработанному Сенатом совместно с Адмиралтейством и Академией наук, в программу 2-й Камчатской экспедиции входило исследование Сибири, Дальнего Востока, Арктики, Японии, Северной и Западной Америки (географическое, геологическое, физическое, зоологическое, этнографическое и другое). Особое значение придавалось исследованию Северного морского пути от Кольского полуострова в Тихий океан. Ее начальником был назначен Беринг.

На сборе в Тобольске было создано 8 отрядов, 4 из которых должны были исследовать северные берега России от р. Печора до Камчатки.

Беринг и Чириков на 2-х судах должны были плыть к американским берегам, а Шпанбергу на 3-х судах поручалось искать пути в Японию.

Деятельность экспедиции проходила в интенсивном режиме, в новых и труднейших условиях Крайнего Севера и Северо-Востока Азии, что не могло не обусловить как выдающихся достижений, так и ряда драматических и трагических событий.

Начавшие действовать первыми, в 1734 г. вышли из Архангельска кочи «Экспедицион» и «Обь» с задачей найти морской проход к устью Оби. Однако за два летних плавания отряд не смог продвинуться на Восток далее о-ва Белый, и командовавшие С. В. Муравьев и М. С. Павлов были отстранены решением Адмиралтейств-коллегии. Сменивший их в руководстве отрядом **С. Г. Малыгин** на коче «Экспедицион» и 2-х *ботах* сумел достичь лишь западного побережья Ямала, где встретил сплошные льды и возвратился на зимовку.

Только в 1737 г. отряд возобновил плавание, в августе достиг прохода в Обскую губу из пролива между островами Ямал и Белый (ныне прол. Малыгина) и, поднявшись по Оби, 2 октября прибыл в Березов. В результате 6-летней деятельности этого (Обско-Двинского) отряда были составлены карты юго-восточной части Баренцева моря и приобской части Карского моря.

В январе 1734 г. в Тобольске была построена 24-весельная дупель-шлюпка «Тобол», на которой под командованием **Д. Л. Овцына** в мае начались плавания Обь-Енисейского отряда. Напомним читателю – дупель или дубель-шлюпка – это был небольшой русский парусно-гребной военный корабль, предназначенный для действия у берегов, в лиманах и на реках. Длина дубель-шлюпки составляла 20–25 м, ширина – 6 м, осадка – 2 м. Судно имело палубу, 1 мачту и до 20 или более пар весел. Согласно МЭС, в задачу отряда Овцына входило исследование берега между рр. Обь и Енисей. Три похода 1734–36 гг. не увенчались успехом. Из-за мощных льдов в Обской губе отряд вернулся в Тобольск. По приказу Адмиралтейств-коллегии было построено новое судно-бот «Обь-Почтальон», которое в июне

1737 г. прибыло в Обдорск (ныне Салехард), где зимовал отряд. Командиром стал Овцын. В августе 1737 г. на 2 судах по свободному ото льдов морю отряду удалось достичь Енисейского залива, выполнив свою задачу. Овцын передал бот «Обь-Почтальон» Ф. А.

Минину и поручил ему составить описание берегов от Енисейского залива до Хатанги вокруг п-ова Таймыр. Самого Овцына в

1738 г. вызвали в Петербург в Адмиралтейств-коллегию для доклада об успехах экспедиции. Здесь по доносу он был арестован за дружеские отношения с опальными князьями Долгорукими, осужден, разжалован в матросы и под конвоем препровожден в Охотск к В. И. Берингу. В 1741 г. вместе с Берингом плавал на судне «Святой Петр» к северо-западным берегам Америки, зимовал на Командорских островах. В 1742 г. ему вернули офицерское звание.

Именем Овцына названы мыс п-ова Таймыр и пролив между о-вами Олений и Сибирякова.

Тем временем Федор Минин (которому Овцын передал «Обь-Почталъон» для продолжения исследований) в период с 1738 по 1743 гг. неоднократно, но безуспешно пытался пройти к устью Хатанги морем, так как препятствовали этому сплошные льды. Дойти удалось лишь до мыса на $73^{\circ} 14'$ северной широты.

Помощник Минина **Дмитрий Васильевич Стерлегов** прошел от Туруханска по Енисею, затем вдоль морского берега на Восток до $75^{\circ} 20'$ с. ш., сделал съемку западного берега п-ова Таймыр. В 1738–1739 гг., когда экспедиция, обследовавшая Тазовскую губу, из-за тяжелых льдов вернулась в Обдорск на зимовку, Стерлегов и геодезист Выходцев остались продолжать исследования на ялботе. При проведении исследований ялбот был зажат льдами, раздавлен и затонул. Стерлегов и Выходцев много дней шли по тундре пока не достигли обжитых мест. Именем Стерлегова назван мыс на п-ове Таймыр.

Следующим этапом летом 1735 г. начали работу одновременно два отряда – Западный (Ленско-Хатангский) и Восточный (Восточно-Ленский), которые должны были описать морской берег от Таймыра на Восток до Чукотки. Для Западного отряда в Якутске была построена дупель-шлюпка «Якутск», а для Восточного отряда – бот «Иркутск».

Западный отряд возглавил **Василий Васильевич Прончищев**, окончивший в 1718 г. Московскую школу математических и навигационных наук. 25 августа 1735 г. «Якутск», выполнив первую инструментальную съемку р. Лена от Якутска до устья, достиг устья р. Оленек, где встал на зимовку в связи с обнаружившейся течью. В августе 1736 г. плавание было возобновлено, достигли Хатангского залива, затем судно направилось вдоль восточного берега Таймыра. Здесь была открыта группа островов Самуила (впоследствии получившая название о-вов Комсомольской Правды), впервые проведена инструментальная съемка морского берега от устья Лены до мыса Фаддея. Плавание оказалось очень тяжелым, Прончищев решил возвращаться и при возвращении 29 августа умер, командование принял С. И. Челюскин, который 2 сентября довел судно до устья р. Оленек. Через несколько дней умерла и жена **Прончищева Татьяна**, согласно МЭС, первая женщина – полярный исследователь Арктики. Именем Прончищева названы часть восточного берега п-ова Таймыр и мыс на его северо-восточном берегу, а также кряж между устьями рек Оленек и Анабар. Именем Татьяны Прончищевой названа бухта моря Лаптевых (у берега Прончищева). Они были похоронены вместе у мыса Тумуль в устье р. Оленек.

(Может ли не тронуть до глубины души такая судьба!? Это были люди, как бы рожденные Предназначением: Родиться, Выучиться, Приобрести необходимый Опыт, Реализовать его в Великом Преодолении для Последующих поколений, и Погибнуть... И все это за 34 года... Включая и то, что Василий и Татьяна успели найти и полюбить друг друга. Разлучить же их уже невозможно... Таймырскими веснами и летними днями и ночами волны Ее Бухты вечно будут ласкаться в Его Берега и шептать, и шептать недосказанное...)

Новый руководитель Западного (Ленско-Хатангского) отряда был назначен Адмиралтейств-коллегией лишь в декабре 1737 г. Им стал **Харитон Прокофьевич Лаптев**, капитан первого ранга, служивший в Военно-морском флоте. В летнюю кампанию судно «Якутск»

под его началом прошло от устья Лены на Северо-Запад к острову Бегичева, а затем вдоль восточного берега полуострова Таймыр. Достигнув 22 августа $76^{\circ}47'$ с. ш., судно вернулось назад на зимовку на р. Хатанга. Летом 1740 г. плавание отряда продолжилось всего месяц, так как дупель-шлюпка была раздавлена льдами. Терпя невероятные лишения, потеряв несколько человек, отряд пешком добрался до стоянки. С разрешения Адмиралтейств-коллегии Лаптев разделил отряд на 3 партии, которые закончили съемку берегов от Таймыра до Хатанги с суши, таким образом, завершив выполнение и всего задания для Западного отряда – съемку от устья Енисея до устья Лены.

Руководителю одной из партий, **Семену Ивановичу Челюскину**, бывшему помощником Прончищева, удалось наиболее замечательные свершения. Весной 1741 г. он прошел с двумя матросами по суше от р. Хатанга до р. Пясины (более 600 км) и описал западное побережье Таймыра. Зимой 1741–1742 гг. с тремя солдатами прошел 700 верст по тундре до Туруханска, затем проехал на собаках до устья Хатанги и достиг северной оконечности Азии, названной в 1843 г. А. Ф. Миддендорфом в его честь мысом Челюскина.

Именем **Харитона Лаптева** были названы морской берег п-ова Таймыр и три мыса. Трудам Харитона и его двоюродного брата Дмитрия посвящено и название моря Лаптевых.

Дмитрий Яковлевич Лаптев, служивший поручиком в Военно-морском флоте, был назначен командиром Восточного (Восточно-Ленского) отряда, когда трагической неудачей закончилось первое плавание этого отряда под командованием П. Ласинуса. Они смогли достичь 18 августа 1735 г. реки Хараулах, там зазимовали, но во время зимовки от цинги скончались 37 человек и командир отряда. Кроме того, бот «Иркутск» требовал срочного ремонта. Дмитрий Лаптев с отрядом продолжил работу в августе 1736 г. Но в связи с тяжелыми ледовыми условиями лишь к июню 1739 г. удалось вывести бот в Восточно-Сибирское море. Далее при попутном ветре бот в конце августа 1739 г. достиг устья Индигирки, где встал на зимовку. Во время зимовки продолжались работы по описи берегов. К 1741 г. после двух безуспешных попыток пройти сквозь сплошные льды бот дошел до мыса Баранов Камень. В 1742 г. Восточно-Ленский отряд вел съемку в бассейне р. Анадырь, где и закончились его действия. Среди целого ряда описанных им рек, побережий и островов были и острова, ныне исчезнувшие (о-ва Меркурьева). Именем Д. Лаптева названы мыс в дельте Лены, пролив между о-вом Ляховского и материком Азии, а в честь обоих братьев Лаптевых – море Лаптевых.

Отряд под командованием **Витуса Беринга** и **Алексея Чирикова** приступил к выполнению своей задачи – с курсом на Американский материк – лишь в сентябре 1740 г. на пакеботах «Святой Петр» и «Святой Павел».

Пакеботы были построены в Охотске русскими корабельными мастерами Козьминым и Рогачевым. Оба судна имели однотипные технические данные: водоизмещение около 200 т, длину 24,4 м, ширину 6,7 м. Вооружение 14 пушек. Обладали хорошими мореходными качествами. На борту «Святого Петра» под командованием Беринга находилось 77 человек, на пакеботе «Святой Павел», которым командовал Чириков – 69.

Отряд, выйдя из Охотска, направился на Камчатку в Авачинскую бухту, где была устроена гавань, названная Петро-Павловской.

Необходимо отметить, что экспедицию сопровождали прикомандированные к ней ученые, в частности, профессор астрономии **Л. Д. Кройер** и адъютант Петербургской академии наук **Г. Стеллер**, а также разжалованный в матросы **Л. Д. Овцын**, которого Беринг сделал своим адъютантом.

Пакеботы вышли из Петропавловска 4 июня 1741 г. Безуспешно попытавшись вначале найти, по предложению Кройера, мифическую «Землю Хуана да Гамы» с предположительным курсом на восток от Авачинской бухты, пакеботы пошли курсом на северо-восток. В

наступившем тумане суда потеряли друг друга из вида и далее действовали уже самостоятельно.

«Святой Петр» продолжал двигаться на северо-восток при постоянной штормовой погоде и 16 июля достиг северо-западных берегов Америки, где высадились Г. Стеллер и С. Хитрово. Все лето судно двигалось в отдалении от берега в лабиринте неизвестных островов (МЭС). Положение на судне день ото дня ухудшалось. Постоянно штормило. Команда выбивалась из сил. Началась цинга. Заболел и Беринг, поручив командование С. Вакселю. 4 ноября в виду появился берег, который команда приняла за Камчатку. Однако это был остров, впоследствии названный именем Беринга, в архипелаге Командорских островов. Здесь решили зимовать. Во время зимовки умерли 32 человека, среди них 8 декабря 1741 г. и Беринг. Все были похоронены на острове. Оставшиеся в живых весной из обломков пакебота построили небольшое судно и лишь в августе 1742 г. с трудом достигли Петропавловской гавани.

В честь Беринга были названы также море в северной части Тихого океана, пролив, отделяющий Азию от Америки и др.

Как оказалось, «Святой Павел» под командованием Чирикова достиг американского берега на сутки раньше «Святого Петра» – 15 июля 1741 г. Однако последующие события были не менее драматическими. Посланные на берег две шлюпки с 15 членами команды не вернулись в результате неудачи в контактах с местным населением. Через 10 дней Чириков с широты 58°21' взял курс на Камчатку, куда, однако, согласно МЭС, прибыл лишь 8 октября, после долгих скитаний и невзгод, потеряв 20 человек экипажа.

Именем Чирикова был назван ряд островов в Тихом и Северном Ледовитом океанах, мыс на Алеутских островах и др.

В результате деятельности Второй Камчатской экспедиции произведена опись берегов Северного Ледовитого океана от Архангельска до мыса Баранов Камень. Опубликованные трудами экспедиции сводные карты впервые дали правдоподобные очертания берегов Северной Азии, части берегов Северо-Западной Америки, Курильских, части Алеутских и других островов.

В ходе Первой и Второй Камчатских экспедиций, в течение 13 лет, непрерывно проводились исследования прикомандированными к экспедициям учеными Петербургской академии наук, результатом которых явились фундаментальные труды, в частности, **С. П. Крашенинникова** «Описание Земли Камчатки» (опубл. в 1756 г.), Г. Стеллера и многих других, 62 уникальные географические карты, тысячи важнейших метеорологических наблюдений. Эти данные, в частности, использовал в своих трудах о Сибири и Арктике **Михаил Васильевич Ломоносов**, обосновавший затем и необходимость освоения Северного морского пути и составивший карту Северной полярной области, где впервые нарисовал океан, а не материк.

Северные, Полярные и Дальневосточные экспедиции XIX века

Камчатские экспедиции не только возбудили интерес к дальнейшим исследовательским экспедициям, но и создали потребность в поддержании систематического сообщения с далекими Дальневосточными провинциями России и побережьем Северного Ледовитого океана на всем широтном протяжении России. Помимо сухопутного сообщения через пространства Сибири, стали испытывать для этого и мореходные пути – как кругосветные путешествия через южные моря и океаны, так и попытки пробиваться по Северному морскому пути.

Не желая расставаться с впечатлением величия Камчатских экспедиций, мы опустим менее значительные экспедиции XIX в., связанные с Российским Севером и, воспользовавшись МЭС, напомним читателю лишь наиболее выдающиеся имена.

Крузенштерн Иван (Адам) Федорович – русский мореплаватель, адмирал, почетный член Петербургской АН, руководитель первой русской кругосветной экспедиции на кораблях «Надежда» и «Нева» (1803–1806). Экспедиция вышла из Кронштадта, пересекла Атлантический океан, обогнула мыс Горн, вышла в Тихий океан и у Гавайских о-вов разделилась. Трехмачтовый шлюп «Надежда» под командованием И. Ф. Крузенштерна достиг Камчатки, посетил порт Нагасаки и обследовал берега Сахалина. «Нева» под командованием Ю. Ф. Лисянского проследовала к берегам Аляски, затем к Маршалловым и Филиппинским о-вам. На обратном пути корабли соединились, прошли вокруг Азии и Африки и вернулись в Кронштадт.

По свидетельству ЭСБЭ, И. Ф. Крузенштерн по результатам своих кругосветных путешествий составил для того времени великолепный атлас, изобилующий картами, планами и рисунками.

Русский промышленник **Яков Санников** обнаружил и описал о. Столбовой (в 1800 г.) и о. Фаддеевский (в 1805 г.), участвовал в исследовании Новосибирских о-вов. Высказал предположение о существовании так называемой Земли Санникова (к северу от Новосибирских о-вов). По имени Санникова назван пролив между о-вами Малый Ляховский и Котельный.

«Земля Санникова», в существование которой верил также и Э. В. Толль, наносивший еще в 1886–1893 гг. ее на карты в координатах 77°30' с. ш. и 142°20' в. д., не была подтверждена советскими ледокольными экспедициями XX в. Считают, что она была разрушена морем и исчезла, поскольку ее основу составлял многолетний паковый лед и непрочный илисто-песчаный грунт.

Головнин Василий Михайлович – русский мореплаватель, вице-адмирал, чл. – корр. Петербургской АН, руководил двумя кругосветными плаваниями. В 1807–1809 гг. на военном шлюпе «Диана», перестроенном из транспорта для перевозки леса, проследовал из Кронштадта через мыс Горн и мыс Доброй Надежды для доставки снабжения в порты Охотск и Петропавловск-Камчатский. В 1809–1811 гг. «Диана» курсировала от Камчатки к о. Баранова (Русская Америка), доставляя грузы для русских поселений. Эти плавания Головнин описал в книге «Замечания о Камчатке и Русской Америке». В 1817–1819 гг. на шлюпе «Камчатка» осуществил второе кругосветное путешествие, доставляя военные грузы в Петропавловск-Камчатский и исследуя северо-западное побережье Америки. С 1823 г. он – генерал-интендант Российского флота. За 8 лет под его руководством построено 200 кораблей и первые в России 10 пароходов. Головнин являлся автором ряда научных трудов, без которых уже не мыслились путешествия, в частности, «Искусство описывания приморских берегов с моря с изъяснением употребления всех новейших способов и инструментов». В его честь

названы пролив между Курильскими о-вами, гора и мыс на Новой Земле, мыс на п-ове Ямал, вулкан на о-ве Кунашир.

Петр Федорович Анжу, исследователь Арктики, адмирал русского флота, руководил экспедицией, во время которой совместно с **П. Ильиным** описал (1821–1823 гг.) берега Сибири между рр. Оленек и Индигирка, изучал состояние льдов в море Лаптевых, его именем названа одна из групп Новосибирских о-вов. По данным астрономических наблюдений составил карту Новосибирских о-вов. Доказал, что опись берегов можно вести с моря и со льда в зимнее время. Первым изучил состояние движущихся и паковых льдов в море Лаптевых, приливы и отливы и др.

Гидрограф **Петр Кузьмич Пахтусов**, окончив штурманское училище в Кронштадте в 1820 г., в период с 1820 по 1832 гг. участвовал в гидрографических работах на реках Печора, Мезень, Северная Двина, в Баренцевом и Белом море (о-ва Колгуев и Вайгач). В 1832–1833 гг. возглавил на судне «Новая Земля» экспедицию в Карское море и на Новую Землю, организованную по его инициативе, описал южное и восточное побережье Южного о-ва Новой Земли, пролив Карские Ворота. В 1834–1835 гг. экспедицией под его руководством на шхуне «Кротов» и карбасе «Казаков» было описано восточное побережье Северного острова Новой Земли до вновь открытых островов, названных именем Пахтусова, пролив Маточкин Шар, о-ва Панкратьева, Горбовы о-ва, составлена таблица приливов и отливов. В 1886 г. в Кронштадте был открыт памятник Пахтусову.

Крузенштерн Павел Иванович, один из трех сыновей И. Ф. Крузенштерна, русский исследователь Арктики, контр-адмирал. В 1843 г. участвовал в экспедиции Академии наук по исследованию бассейна р. Печора, производил съемку от ее притока Илыч до устья. В 1849 и 1850 гг. на собственной шхуне «Ермак» дважды пытался пройти от Онежской губы Белого моря до Карского моря, но дважды потерпел неудачу, дойдя лишь до Индигской губы Баренцева моря.

Невельский Геннадий Иванович, после окончания Морского кадетского корпуса и офицерских классов (1832–1836 гг.) служил на Балтике. В 1847 г. был назначен командиром транспорта «Байкал», с которым в 1848 г. был послан из Кронштадта на Дальний Восток для гидрографического обследования восточных берегов России. Исследовал и составил описание западных берегов Камчатки, восточных берегов Охотского моря, северной части Сахалина, опроверг мнение И. Ф. Крузенштерна и ряда других мореплавателей, что Сахалин – полуостров. Своими открытиями убедил Морское министерство производить более широкомасштабное обследование побережья Дальнего Востока и осуществлял эту программу. За замечания в адрес руководства, ответственного за освоение Дальнего Востока, был отстранен и отозван в Петербург. В отличие от МЭС, ЭСБЭ приводит другую версию конфликта Невельского с руководством на Дальнем Востоке, трактуя ее следующим образом. В 1851 г. Невельский был послан губернатором Муравьевым для основания зимовья на берегу Охотского моря – впоследствии Николаевского порта. Невельский снова проехал по Амуру и принял в русское подданство амурских туземцев. Этим он не только превысил данные ему полномочия, но и едва не вызвал войны с Китаем, вследствие чего так называемый Гиляцкий комитет хотел разжаловать его в матросы. Но император Николай I одобрил его действия, назвал их «молодецкими». Продолжая захват Амурской области и преимущественно Амурского лимана, он довершил присоединение к России Амурской области. Был членом Морского технического комитета, в 1874 г. получил звание адмирала. Именем Невельского названы самая узкая часть Татарского пролива, залив, гора и город на Сахалине.

Русский моряк, исследователь Арктики **Павел Павлович Крузенштерн** (внук И. Ф. и сын П. И. Крузенштернов) вслед за отцом произвел две неудачные попытки пройти из Белого моря в Карское. В 1860 г., командуя собственной шхуной «Ермак», прошел Карские Ворота, но вынужден был вернуться – наступила осень и дальнейшему продвижению

мешали льды. Через год проник в Карское море из устья Печоры через пролив Югорский Шар, но при выходе из пролива «Ермак» был затерт дрейфующими льдами. Экспедиции пришлось дрейфовать до западного побережья п-ова Ямал, где экипаж был вынужден бросить шхуну из-за сильной течи и пешком пробираться по льду р. Обь до г. Обдорск (Салехард).

Нильс Адольф Эрик Норденшельд – шведский полярный исследователь, геолог и географ, член Стокгольмской АН и иностранный чл. – корр. Петербургской АН. В 1858–1873 гг. совершил ряд полярных экспедиций, произвел съемку и изучил геологическое строение архипелага Шпицберген, первым пересек его восточное ледяное поле. В 1878–1879 гг. совершил плавание из Швеции до устья Енисея с целью освоения Северного морского пути. В 1878–1879 гг. на зверобойном пароходе «Вега» прошел по Северному морскому пути из Атлантического океана в Тихий с зимовкой на Чукотке. В обеспечении Норденшельда вспомогательными судами и др. (снабжение, ледовая разведка) участвовал русский золотопромышленник А. М. Сибиряков. Именем Норденшельда названы архипелаг в Карском море, залив и мыс на Новой Земле.

Де-Лонг, американский полярный исследователь, лейтенант-командор военно-морских сил США, в 1879 г. на яхте «Жаннетта» возглавил экспедицию по поиску судна «Вега» экспедиции Н. А. Норденшельда. По сведениям Де-Лонга, «Вега», вмерзшая в лед в районе Колючинской губы, затем освободилась и пошла к Беринговому проливу. Де-Лонг решил идти к Северному полюсу, но в сентябре 1879 г. его яхта к северо-востоку от острова Герольд была сжата льдами. Дрейф продолжался до июня 1881 г., когда яхта была раздавлена льдами и затонула. Во время дрейфа экспедиция открыла острова Жаннетты и Генриетты, а после гибели яхты, во время дрейфа на льдине – остров Беннета. После гибели «Жаннетты» в июне 1881 г. Де-Лонг с частью спутников достиг устья р. Лены, где все погибли от голода.

Именем Де-Лонга названы пролив между островом Врангеля и континентом, а также группа островов, входящая в архипелаг Новосибирских островов: Жаннетта, Генриетта, Беннетта, Жохова, Вилькицкого.

Знаменитый норвежский полярный исследователь **Фритъоф Нансен**, предложив проект достижения северного полюса на судне, дрейфующем вместе со льдом, на специально построенном для этого судне «Фрам» летом 1893 г. вышел из пос. Тромсе в Норвегии, прошел моря Баренцево, Карское и Лаптевых и в сентябре 1893 г. начал ледовый дрейф северо-западнее Новосибирских о-вов, закончив его у архипелага Шпицберген. Затем с Иогансеном покинул «Фрам» и отправился к Северному полюсу.

Судьба выдающегося русского геолога и исследователя Сибири **Ивана Дементьевича Черского** – это постоянная неумность его души, жажда познания истории Земли и процессов, происходящих в ней, выяснения причинно-следственных связей в наблюдаемых процессах в сочетании с готовностью к неприхотливости собственного быта, но и с острым неприятием несправедливости в обществе.

За участие в польском восстании 1863—64 гг. 18-летним юношей И. Д. Черский был отдан в солдаты и отправлен в г. Омск, где, под влиянием Г. Н. Потанина, начал геологические и палеонтологические исследования в районе Омска. В 1871 г. продолжил обширные геологические исследования, переехав в Иркутск. В 1877–1880 гг. им было изучено геологическое строение берегов Байкала. Черский предложил одну из первых тектонико-палеогеографических схем для Сибири. В 1885 г. по приглашению АН переехал в Петербург, откуда в 1891 г. выехал в район рр. Колыма и Индигирка. Умер во время исследований низовьев Колымы. Его именем названа горная страна в Якутии и хребет в Забайкалье.

Странное и волнующее чувство Высшей Предназначенности вызывает также судьба **Эдуарда Васильевича Толля** – полярного исследователя, геолога. Он родился в 1858 г. в Ревеле (Таллинн). В 1885—86 гг. участвовал в экспедиции, организованной Петербургской академией наук для исследования Новосибирских о-вов. В 1893 г. руководил геолого-гео-

дезической экспедицией в северных районах Якутии, обследовал бассейны рек Лены и Хатанги. В 1900–1902 гг. возглавил полярную экспедицию на парусно-моторном судне «Заря», организованную Петербургской академией наук. Шхуна была построена как трехмачтовый китобойный барк в Христиании (ныне Осло, Норвегия), в дополнение к парусной оснастке имела паровую машину небольшой мощности, а также противоледовую обшивку. Экспедиция должна была исследовать Новосибирские о-ва, разыскать легендарную Землю Санникова и пройти Северным морским путем на восток в Тихий океан. Весной 1902 г. Толль с тремя членами экспедиции, работавшей в районе Новосибирских о-вов, отправился на санях по неокрепшему льду от о-ва Котельный к о-ву Беннета для проведения исследований и сбора образцов. «Заря» должна была забрать группу Толля летом 1902 г., однако не смогла сделать это из-за тяжелой ледовой обстановки. В 1903 г. на о-ве Беннета был найден лагерь Толля, все его коллекции и документы, но ни Толля, ни его спутников обнаружить не удалось. Экспедицией, благодаря впервые оборудованным Толлем на полярном судне помещениям и инструментарию для проведения геологических, гидрологических, биологических и бактериологических исследований, был собран настолько большой геологический, гидрометеорологический, геофизический, географический и гидрографический материал, что Петербургская АН изучала его два десятилетия (с 1900 по 1919 г.). Именем Толля были названы залив в Карском море, горы на Новой Земле и на о-ве Беннета и др.

История развития горногеологической службы России и освоение недр европейского Севера и Сибири в XVIII–XIX веках

История горного управления и горного законодательства в России

Как свидетельствуют «Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России» (СПб., 1900 / Сост. А. М. Лоранский), Большая энциклопедия (СПб., 1901 / Спец. ред. по горной промышленности С. Н. Никитин) и другие документы, администрация горной промышленности сложилась впервые только при Петре I. До него управление горными делами и заводами на местах было предоставлено воеводам тех округов, в которых открывалась руда, либо разработки (заводы) поручались управлению частных людей, которым они отдавались. Особого главного управления горной частью в столице не было. По имеющимся данным, с 1560 г. по разным вопросам в ведение горных дел вмешивался ряд ведомств – Посольский Приказ, Приказ Большой Казны, Сибирский Приказ, Оружейная Палата и Пушечный Двор, а с 1660 г. они были поручены Приказу Большого Дворца. Какая-то система взаимосвязи и ответственности этих ведомств за горную часть, по-видимому, отсутствовала. Так, судя по сохранившимся документам, одним подавались прошения о выдаче жалованья иностранцам, участвовавшим в поисках и разработке руд, от других требовались деньги на прогоны, третьим докладывалось об успехах рудного дела, четвертым отдавались металлы с заводов и т. д.

Такое состояние, как утверждают авторы источников, являлось серьезным препятствием развитию горного дела, «...и конец подобной безурядице положил **Петр I** изданием, 24 августа 1700 года, именного указа...» о создании Приказа Рудокопных дел в вершине Горной администрации.

Деятельность нового Приказа была обширна и разнообразна. Это учреждение ведало поисками руд и подготовкой надежного контингента лиц, сведущих в горном деле, заботилось о постройке заводов, назначало к ним приписных крестьян, собирало сведения о добытых металлах и вновь открытых месторождениях полезных ископаемых, распоряжалось отводом этих месторождений под разработку частным лицам и для устройства заводов. Приказу Рудокопных дел (Рудному Приказу) приходилось определять наказания тем лицам, которые, вопреки царским указам, отказывались объявлять обнаруженные рудные места или противодействовали поиску руд.

До учреждения Правительственного Сената Рудный Приказ находился под непосредственным началом Государя. В 1711 г. было решено вновь децентрализовать управление горным делом и перепоручить его губернаторам: «Приказу Рудных Дел особливо не быть... а рудосыскные дела, которые в том Приказе по сыску руд, и где по сыску заведены какие заводы, для ведома разослать по губерниям, дабы то дело каждый губернатор в своем деле усматривал».

Против такого порядка активно выступил известный горный специалист, «рудокопный офицер» **Иоганн-Фридрих Блиер**. А. М. Лоранский пишет: «Блиер приехал в Россию из Саксонии в 1699 году в качестве пробирного мастера, затем производил поиски руд в разных местах России и своими неутомимыми трудами много способствовал возникновению горного промысла в Олонецком крае, Урале и Сибири; он был человек довольно образован-

ный, знакомый с горным управлением западно-европейских государств, хорошо знавший и любивший рудничное дело».

В 1712 г. Блиер подал докладную («мемориал»), в которой убеждал не передавать управление горными делами губернаторам и городским начальникам, а подчинить их лишь государю или Сенату. Он приводил в доказательство неправильное использование местным начальством крестьян на горных работах и их притеснения. От всего этого, по мнению Блиера, само горное дело, «за ниспослание которого должно Всевышнего благодарить, более проклиняется». Вероятно, имелось в виду, что руководство горными делами людьми, не имеющими ни знаний, ни интереса к этому делу, но жаждущими конечного результата от исполнителей, превращало дело в кошмар для производителей работ, или останавливало его.

Для развития горного дела в России, по мнению Блиера, необходимо было «определить коллегий, который состоит в искусных сему художеству особах, которому полную Дирекцию сего дела поверить».

Предложение Блиера тогда не было принято, но через четыре года все же было признано необходимым сосредоточить все сведения о минеральных богатствах страны в одном учреждении, и 17 мая 1715 г. «Великий Государь указал: Рудному Приказу быть по прежнему, и ведать его касимовскому царевичу Ивану Васильевичу».

Через два месяца восстановленный Рудный Приказ переводят из Москвы в Петербург и «для посылок и надзирания за рудными делами» в него определяют трех отставных офицеров и десять подьячих.

Вероятно, что, восстанавливая Рудный Приказ, Петр помнил и о предложении Блиера относительно создания Коллегии. Сохранились архивные данные о том, что незадолго до издания указа, а именно 23 марта 1715 г. он заносит в свою записную книжку: «о коллегиях к соображению», отмечая здесь же проекты шести Коллегий по другим направлениям.

К 1717 г. по поручению Петра два известных иностранца (Генрих Фика и барон фон Люберас), побывав во многих местах в Европе, собрали сведения о Коллегиях и представили царю проекты для устройства подобных Коллегий в России. В числе прочих предлагалась и Берг-Коллегия в соединении с Мануфактур-Коллегией, то есть поиски, промысел руд, выплавка металлов и изготовление из них изделий (главным образом монеты и вооружения) попадали в сферу общего управления.

15 декабря 1717 г. в созданные Коллегии по всем направлениям были назначены президенты. Первым президентом Берг-Коллегии и Мануфактур-Коллегии был назначен известный фельдцейхмейстер **Яков Вилимович Брюс**, любимец Петра.

Я. В. Брюс родился в Москве. Он был сыном полковника, выехавшего из Шотландии в Россию во время Кромвеля. Двое из предков Брюса были королями Шотландии в начале XIV столетия. В семнадцать лет Я. В. Брюс вступил в службу прапорщиком и принимал участие в Крымском, Азовском и Первом Нарвском походах, и в 1701 г. сопровождал Петра в его посещениях Англии и Голландии. В 1701 г. был назначен губернатором в Новгород и участвовал при взятии Ноттенбурга. В 1704 г. получил пост главного начальника артиллерии, руководил ею при взятии Нарвы, Иван-Города, в сражении под Полтавой, возведен в звание генерал-фельдцейхмейстера. Участвовал в Померанском и Голштинском походах, командуя русской, датской и саксонской армиями. Я. В. Брюс был известен в Европе своими глубокими научными познаниями, особенно физико-математическими. По поручению Петра I перевел много книг с иностранных языков, сочинил краткую геометрию для самого царя, известный столетний календарь и занимался составлением подробной географии России.

При разделении сфер деятельности и ответственности созданных Коллегий к Берг- и Мануфактур-Коллегии отнесены: «рудокопные заводы и все прочие ремесла и рукоделия, и заботы о них и размножение, при том же и артиллерия».

В 1718 г. был сочинен регламент Коллегий, на основании шведского устава. В следующем году Государем было указано, чтобы Президенты Коллегий никаких дел, ни указов единолично не делали и не подписывали, так как в Коллегиях дела должны решаться по совету и по приговору всех членов. При замещении должностей в Коллегии было установлено выборное начало.

10 декабря 1719 г. вышел высочайший указ об учреждении Берг-Коллегиума «для ведения в оном дел о рудах и минералах», имевший, как свидетельствует «Краткий исторический очерк...», весьма благотворное влияние на развитие горного дела в России. Объявлялось об окончательном объединении горного дела следующими словами: «Мы в пользу государства и всем нашим верным подданным особливый Берг-Коллегиум учредить изволили... и оному власть и мощь дали единым судьей быть над всеми к тому принадлежащими делами и особами, чтобы никаким образом, губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела (не) вступали и (не) мешались...»

Затем последовал указ о полной свободе производства горного промысла в России, как на казенных, так и на частных землях, то есть права на недра отделялись от прав на поверхность земли.

«Таким образом, Петр Первый всецело поручил рудное дело Берг-Коллегии, предоставив этому учреждению исключительное, после себя, право ведать минеральные богатства страны», – пишет А. М. Лоранский. На Берг-Коллегию возлагалось следующее:

– «указами и учреждениями распространять в государстве сведения о том, каким образом те рудокопные дела наилучше и совершенно произведены быть могут», то есть распространять руководства и инструкции по организации и технологии производства;

– рассмотрение донесений частных лиц о вновь открытых рудах, и по каждому отдельному случаю «всякий способ показывать, каким образом с тою рудой и минералами наилучше поступить и в доброе неубыточное состояние произвести», то есть дать оценку рудам и сделать технико-экономическое обоснование их применению;

– оказание денежного пособия тем из промышленников, «которые пожелают на свой страх приняться за разработку ископаемого»;

– по просьбе промышленников оказывать им всяческую поддержку, обеспечивая мастерами, учениками и инструментами, при том «наставлять, каким наилучшим образом с пользою своею... безубыточно металл плавить и очищать могли»;

– исследование присылаемых из провинции руд с определением в них процентного содержания металла;

– если по пробам уже разрабатываемых руд будет установлено, что металла выплавляется меньше, чем, по мнению Берг-Коллегии, из данной руды можно взять, «отправлять к промышленникам искусного мастера или учеников, дабы они в плавлении и в очищении металлов могли обучать, и способы промышленнику учинить»;

– в роли специального технического ученого общества – рассмотрение различного рода проектов, усовершенствований и изменений тех или иных приемов горнозаводской техники;

– приглашение на русскую службу различного рода мастеров из-за границы;

– роль судебного органа в сфере нарушений закона по вопросам ее компетенции, в том числе «розыск» над теми лицами, которые, вопреки требованиям Берг-Коллегии, препятствовали поискам руд на своих землях, над похитителями благородных и других металлов и др.

Кроме президента и вице-президента (которым стал барон фон Люберас), в Берг-Коллегию были назначены четыре советника и четыре ассессора, а впоследствии также прокурор.

В 1722 г. для удобства управления дополнительно была создана Берг-Контора в Москве.

И при Петре I, и после него Коллегия переводилась в Москву, а Контора – в Петербург всякий раз, когда Двор (царь с окружением) длительное время находился в Москве. Утверждают, однако, что это не доставляло особых неудобств, так как «...стоило одному президенту и одному или двум членам (Берг-Коллегии) приехать в Москву, и контора превращалась в Коллегию, а Петербургская Коллегия делалась на время Конторой».

Мануфактур-Коллегия в 1722 г. отделилась от Берг-Коллегии, ей был назначен свой президент и составлен особый регламент.

Результаты реформы Петра по горной части, как утверждает источник, сказались весьма благотворно на развитии горной промышленности. В конце его царствования в России действовало уже более 100 больших заводов и фабрик и выплавлялось 6,5 млн пудов чугуна.

После смерти Петра I Я. В. Брюс вышел в отставку, а президентом Берг-Коллегии был назначен **Алексей Кириллович Зыбин**, вначале служивший в артиллерии, с 1719 г. обер-комиссаром Берг-Коллегии и Мануфактур-Коллегии, а затем ее вице-президентом.

То, что первые горные администраторы назначались из военных, преимущественно артиллеристов, объяснялось тем, что горные заводы строились главным образом с целью изготовления, из собственного металла, орудий, снарядов и прочего необходимого для военных действий. Кроме того, в то время не было горных училищ, поэтому еще долго для подготовки «искусных горных офицеров» направлялись на заводы из Академии наук, из Сухопутного и Морского корпусов молодые дворяне, знающие математику и иностранные языки. После практики на заводах они проходили усовершенствование за границей.

В 1728 г. вышел указ освободить Берг-Коллегию от монетных дел: «Берг-Коллегии повелено монетного дела ничем не ведать, а ведать в Москве, в Монетной Конторе».

В 1731 г. проведена очередная реформа в высшей горной администрации: Берг-Коллегия соединена с Коммерц-Коллегией и Конторой Мануфактур. Мотивы реформы объяснялись Высочайшим Указом, утверждавшим, что от раздельного функционирования этих структур «...никакой пользы не находится, кроме казенного убытка и в делах затруднения и между ними излишних переписок».

Коммерц-Коллегия с присоединенными Берг-Коллегией и Мануфактур-Конторой была структурно поделена на 3 экспедиции:

- 1) «к коммерции принадлежащая»,
- 2) «горная и минеральная»,
- 3) «фабрики и мануфактуры».

Президентом был назначен **Александр Львович Нарышкин**, сын известного боярина Льва Кирилловича. Александр Львович в молодости много путешествовал по Германии, Франции и

Италии, а по возвращении «...определился при Адмиралтействе, находясь в свободное время всегда при Государе, который любил его и иначе не назвал, как Львович». В царствование Петра II за участие в заговоре против Меншикова дважды ссылался в деревни. Императрица Анна Иоанновна сделала его президентом Коммерц-Коллегии, а потом тайным советником и сенатором.

Однако Берг-Коллегия недолго находилась в соединении с Коммерц-Коллегией. В 1737 г. Берг-Коллегия была закрыта, а для управления горной частью был учрежден Генерал-Берг-Директориум.

Причем генерал-берг-директором был назначен вызванный из-за границы всемогущим Бироном Саксонский обер-берг-гауптман и Королевства Польского камергер барон Шемберг.

В учрежденном Генерал-Берг-Директориуме был уничтожен прежний коллегиальный порядок управления горными делами, так как все стало зависеть от Шемберга.

Еще до этого, в 1733 г., была учреждена Комиссия для приведения в лучшее состояние казенных «медных и железных» заводов для рассмотрения вопроса о том, не полезнее ли казенные заводы передать в частные руки.

Здесь уместно заметить, что этот вопрос был постоянным предметом колебаний, если не сказать «шатаний», во всей истории развития горного дела в России.

Хотя при Петре I и строились многие казенные заводы, но царь смотрел на казенное заводское дело как на временное, как на опыт, которым должно заниматься правительство, пока еще слаба в стране частная промышленность. Главную же надежду он возлагал на частных лиц, желающих заняться горнозаводской промышленностью, и, недовольный действием воевод и местного начальства, настаивал на передаче в частные руки и других казенных заводов. Возможно, однако, что он переносил свою увлеченность непосредственным делом на представления о всех частных горнопромышленниках, не учитывая, что многие из них, или их наследников предпочтут лишь роль хозяина роли специалиста по горным работам.

Во всяком случае, когда Петр I предполагал отдать многие заводы частным лицам, знаменитый управляющий северными заводами де Геннин прямо и откровенно ему писал: «Ежели Ты оные хорошие рудные места и заводы хочешь отдать компанейщикам, то Тебе и в десять лет ничего не будет. Пожалуй, послушай меня и не реши в горных здешних делах и положишься на меня, как я прикажу. Я Тебе желаю добра, а не себе, и хочу прежде все убытки Тебе возвратить, что в 25 лет издержано на горное дело».

(До конца своего царствования Петр I, заботясь более об успехах своих преобразований и военных компаний, напрямую зависящих от выполнения правительственных заданий горными заводами, так и не решился на широкую передачу их в частные руки.)

Но вернемся к работе Комиссии, созданной в 1733 г. для выяснения вопроса приоритетности казенного или частного промысла в горной промышленности.

После учреждения Генерал-Берг-Директориума под единоличным управлением Шемберга этот вопрос получил скорое разрешение (и, как читатель заметит ниже, неспроста).

В 1739 г. по представлению генерал-берг-директора и учрежденной им «особой комиссии о горных делах» высочайше (Анной Иоанновной) утверждено мнение о том, что «казенные заводы, в видах их улучшения и развития, а также уменьшения убытков казны, передать в разные компании и частным лицам, служащим или не служащим, *не исключая и горных управителей, русским и иностранцам*, причем во избежание медленности, отдачу заводов разрешено производить *Генерал-Берг-Директориуму по его усмотрению*».

Немаловажная деталь – передать в частные руки предписано было все казенные заводы, за исключением заводов, находившихся на Урале в горе Благодать и медных в Лапландии, с наиболее богатыми рудами, по той якобы причине, «что заводы эти не приведены еще в полное действие».

Однако в том же году для учреждения горной компании руда в Лапландии и в горе Благодати была пожалована Курту Александру фон-Шембергу, «чтобы показать как русским, так и иностранцам, как выгодно заниматься в России горным делом». Шембергу

отведены были обширные земли и леса, приписаны люди и разрешено принимать в компанию других лиц.

Но надежда императрицы не оправдалась. Как свидетельствует «Краткий исторический очерк...», «Шемберг не только не платил денег в казну, но задолжал еще и вообще заботился не о пользе государства, а о выгодах своих и Бирона, который был пайщиком, хотя и негласным, в отданных Шембергу заводах. Некоторые полагают, что Бирон и Шемберг, в два года распоряжения горными заводами, похитили более 400 тысяч рублей».

Императрица Елизавета Петровна вернулась вновь к порядку, бывшему при ее великом отце. И вот в 1742 г. Сенат констатировал, что произведенное реформирование с присоеди-

нием Берг-Коллегии к Коммерц-Коллегии «пользы не принесло», а создание Генерал-Берг-Директориума под единоличным управлением барона Шемберга «сопровождалось вредом для горных работ, а сам Шемберг был изобличен во многих злоупотреблениях». Сенат постановил «восстановить по прежнему Берг- и Мануфактур-Коллегии каждую особо, во всем на таком основании, как от Петра Великого были учреждены».

Президентом Берг-Коллегии был назначен генерал-майор артиллерии **Антон Федорович Томилов**, который был хорошо знаком с горным делом и служил некоторое время на Уральских заводах. Что касается Шемберга, у него отобрали рудники и заводы, затем он был арестован, лишен чинов и орденов, выплатил в казну 200 тысяч рублей, после чего в 1745 г. был освобожден и отпущен за границу.

В 1756 г. главным судьей Монетной Канцелярии И. А. Шлаттером была подана в Сенат записка «О лучшем устройстве Нерчинских и других сереброплавильных заводов, за исключением Колывано-Воскресенских, а также находящихся близ Екатеринбурга, и на Воицком руднике, на Севере России, золотых промыслов». На основании этой записки упомянутые заводы и рудники были изъяты из управления Берг-Коллегии и подчинены особой экспедиции под начальством Шлаттера.

А. Ф. Томилов состоял президентом Берг-Коллегии до 1753 г. С 1753 г. его сменил на этом посту генерал-майор **Опочинин**, а в 1760 г. президентом был назначен действительный статский советник **Иван Андреевич Шлаттер**, судья Монетной Канцелярии.

И. А. Шлаттер родился в Берлине в 1708 г., а в 1719 г. приехал в Петербург с отцом, который был вызван в Россию Петром I и определен в Берг-Коллегию ассессором. Молодой Шлаттер в 1722 г. поступил на службу пробирным мастером при Берг-Коллегии, а в 1726 г. служил при Монетной Канцелярии. В 1727 г. по поручению выезжал осматривать признаки медных руд, «и в это время он научил искусству приготавливать в России желтую медь».

Когда были открыты серные руды на Алтае, то, по поручению императрицы, Шлаттер устроил в Петербурге особую лабораторию, в которой производилась плавка серебра, и почти в течение двадцати лет под наблюдением Шлаттера здесь отливалось Колыванское золотистое серебро. В 1753 г. Шлаттер был назначен главным судьей Монетной Канцелярии. Им написано и переведено несколько сочинений по «горному заводскому, пробирному и монетному делу».

Хотя Шлаттер был назначен президентом Берг-Коллегии, но одновременно остался главным судьей Монетной Канцелярии, заведующим Экспедицией по Нерчинским заводам, «наблюдающим» за разделением алтайского золотистого серебра и изготовлением золотых и серебряных изделий в Кабинете Ее Величества и банковским контролером. Позднее он смог несколько разгрузить себя, добившись перевода Берг-Коллегии в Петербург, где жил сам, при этом руководство Нерчинскими заводами было передано от Экспедиции также Берг-Коллегии.

В конце царствования Елизаветы Петровны опять возник вопрос о передаче казенных заводов частным лицам, причем на этот раз были отданы почти все казенные заводы и рудники и преимущественно вельможам, например, графам Шувалову, Чернышеву, Воронцову и пр. Утверждается, что большею частью заводы были отданы «не за те суммы, которые они стоили казне, а с уступкой. Знатные лица, бывшие в силе при дворе, получившие заводы, мало думали о серьезных промышленных занятиях, а главнейше стремились упрочить за собой даром обширные земли и тысячи крестьян. *Таким образом, оба опыта передачи казенных заводов в частные руки были неудачны*, но надо заметить, что благодаря тому поощрению, которое оказывало правительство лицам, желающим заняться горным делом, последнее сделало значительный успех, и на Урале, с 1754 г. по 1763 г. было выстроено 42 частных завода».

Вскоре по вступлении на престол Екатерины II (в 1763 г.) Гороблагодатские и Камские заводы были отобраны за долги у графа Шувалова, а затем и другие заводы, переданные в царствование Елизаветы Петровны знатым вельможам (Воронцовские, Чернышевские, Ягужинские и др.), перешли в казну.

Екатерина II в связи с этим в своих записках отмечала в частности: «Весь вред сей произошел от самовластной раздачи Сенатом заводов сих с приписными к оным крестьянам. Щедрость Сената тогда доходила до того, что медного банка 3-х миллионный капитал почти весь роздан заводчикам, которые, умножая заводских крестьян работами, платили им либо беспорядочно, либо вовсе ничего, *проматывая взятые из казны деньги в столице*».

Пытаясь исправить притеснения крестьян на горных заводах и предотвращать связанные с этим волнения, Екатерина II утвердила следующие изменения при проведении горных работ:

- определены перечни обязательных работ (что исключало бы возможность использования на любых работах);
- вдвое увеличена плата рабочих;
- возложена ответственность на заводчиков за избыточное отягощение рабочих;
- подтвержден указ Петра I о запрещении приписывать деревни к заводам и фабрикам.

В 1767 г. И. А. Шлаттер оставил службу по болезни, президентом Берг-Коллегии был назначен граф **Аполлон Эпафродитович Мусин-Пушкин**, который после военной службы с 1757 г. занимал последовательно места прокурора, члена присутствия в канцелярии Правления горных заводов Екатеринбургa и вице-президента Берг-Коллегии.

Граф Мусин-Пушкин скончался в 1771 г., а вместо него президентом Берг-Коллегии был назначен обер-прокурор Сената **Михаил Федорович Соймонов**.

М. Ф. Соймонов начал службу в артиллерийской школе, затем отправился в Сибирь, где его отец, Ф. И. Соймонов, известный деятель со времен Петра I, был губернатором. В начале М. Ф. Соймонов занимался размежеванием земель и имел возможность ознакомиться с горным делом, «которым заинтересовался и полюбил». В 1761 г. был произведен в полковники и отправлен на Нерчинские заводы «для размножения оногo», а затем назначен в помощники к отцу, «которому повелено было присутствовать в Московской Сенатской Конторе с поручением всех дел, до Сибири касающихся».

В 1771 г. М. Ф. Соймонов назначается президентом Берг-Коллегии и с этого времени принимает участие в высшей горной администрации, с небольшими перерывами, до начала царствования Александра I.

Соймонов играл одну из ключевых ролей и в основании в Петербурге в 1773 г. Горного училища, впоследствии превращенного в Горный институт императрицы Екатерины II. Этот институт за годы своего существования «... доставил обществу несколько поколений сведущих и полезных тружеников, знаниями и трудами которых двигались и обогащались горные науки, развивалось и совершенствовалось русское горное дело».

В указе по случаю основания Горного училища было сказано: «По представлению Берг-Коллегии и Учиненному тайным советником, сенатором и кавалером Соймоновым плану учреждается Горное училище под ведением Главного Берг-Коллегии командира (Соймонова)».

Известна тех дней собственноручная записка Екатерины II князю А. Вяземскому: «Пожалуй скажи Соймонову спасибо за его разумный и попечением, знаниями и радением исполненный план, которым я довольна».

Вскоре после издания в 1775 г. «Учреждения для управления Всероссийской империи» горные заводы были подчинены Казенным Палатам.

Екатерина II придавала большое значение «Учреждению о губерниях» и гордилась им. В своем письме к Вольтеру в 1775 г. она говорит: «Я только что дала моей Империи “Учре-

ждение о губерниях», которое содержит в себе 215 печатных страниц... Это плод пятимесячной работы, исполненной мною одной».

Согласно этой реформе управления в высочайше утвержденном «Наставлении для производства дел в Казенных Палатах» о должности «Третьей Экспедиции советника для горных дел» было сказано: «3-й экспедиции (Казенной Палаты) поручаются все заводы, как казенные, так и партикулярные..., какого бы рода они не были».

В обязанность 3-й (по Горному ведомству) Экспедиции вменялось:

- «чтоб доходы в казну исправно шли»;
- учет и контроль производимого на заводах;
- «если заводы не с той силою производятся», предлагать меры, какие должны быть приняты;
- представлять Казенной Палате новые прииски «для освещения и рудоискателей приохочивать»;
- «иметь в своем надзирании сумму капитальную казенных заводов» и следить за расходами сообразно назначенным статьям затрат и вести учет.

Кроме казенных заводов, отчету Экспедиции подлежали, таким образом, и все частные заводы и промыслы, за исключением Колыванских заводов, находившихся в ведении Кабинета Ее Императорского Величества (ЕИВ).

Внутри 3-й Экспедиции решения принимал управляющий, и лишь если считал нужным, ставил вопрос на обсуждение Экспедиции или представлял главному управляющему всеми экспедициями Казенной Палаты.

Внутри губернии управление всеми чинами и делами в Казенной Палате по новому порядку возлагалось на вице-губернатора.

В свою очередь, Казенные Палаты губерний были подведомственны учрежденной при Сенате Экспедиции о Государственных доходах с выделением в ней особой Экспедиции для Горных дел. В обязанности последней было наблюдать:

- «1) все ли заводы действуют надлежащим образом;
- 2) сполна ли поступают доходы, согласно установленному порядку;
- 3) если не сполна, то по каким причинам, и как это исправить;
- 4) доставляются ли доходы своевременно и в надлежащем месте?»

В 1782 г. Екатерина II, «проникнутая господствовавшими в то время экономическими доктринами о свободе промышленности», издала манифест, в котором объявлялось о соединении, как на частных, так и на казенных землях, прав на поверхность земли с правами на ее недра.

Представляется, однако, что со свободой промышленности это как раз не вязалось, это снова было сделано на пользу крупным землевладельцам, которые вновь получали в распоряжение все недра и заводы на своих землях.

С подчинением заводов и промыслов Казенным Палатам Берг-Коллегия перестала иметь прежнее значение, хотя действовала еще несколько лет, но почти исключительно для завершения старых дел.

Горное училище в 1784 г. было передано в ведение присутствующего в Кабинете Ее Величества для управления Колыванскими горными заводами генерала-майора Соймонова.

Таким образом, Екатерина II полностью отменила все начинания Петра I по горной части.

Однако реальности были сильнее. Порядок ведения дел в Казенных Палатах оказался неудобен для горной части. И в 1786 г. и в последующие годы вышли указы по Олонецкой Казенной Палате, а затем по Пермской, Вятской и Уфимской, где было сказано: «...дабы образом обыкновенного канцелярского письмоводства не затруднить успех производства по горной части и заводам, позволяем Горным экспедициям не участвовать в делах Казенной

Палаты, свои же производить по собственным в Экспедиции учиненным приговорам, с веденія и согласия вице-губернатора».

Однако не способствовала развитию горного дела вся принятая система управления. Ни генерал-губернатор, ни губернатор, ни вице-губернатор «не знали заводского дела, потому что им ранее не занимались. Заводская служба требует знания, опытности и сопряжена с лишениями и ответственностью, а между тем вознаграждение было меньше, чем в гражданской службе. Лучшие горные офицеры, находившиеся на заводах, стали их оставлять, так как, по открытии губерний, гражданская служба сделалась более привлекательной... Вообще, люди, знающие горное дело, почти все оставили заводы; на места же управителей начали определять... людей без знаний, без воспитания и без опытности».

В своем повествовании А. М. Лоранский приходит к выводу, что во время управления Казенных Палат горное дело пришло в упадок не только на Урале, но и в Сибири, и уже в период царствования Екатерины II начали обсуждаться различные меры по его улучшению.

Вскоре по вступлении на престол Павла I Берг-Коллегия была восстановлена и подчинена Сенату указом от 19.11.1796 г.: «... и для сего повелеваем Сенату... поелику пребывание сих Коллегий долженствует находиться здесь в Петербурге, то действие их открыть ему под своим руководством».

С выходом данного указа все Экспедиции для горных дел были упразднены, а Нерчинские заводы вместе со всеми остальными также были переданы в ведение Берг-Коллегии.

Восстановленную Берг-Коллегию возглавил на посту президента **Андрей Андреевич Нартов**. В то же время наблюдение за Берг-Коллегией по части горных заводов и промыслов было поручено М. Ф. Соймонову, который был назначен императором Павлом присутствующим в I-м Департаменте Сената и членом Императорского Совета. Кроме того, Соймонов вновь был определен и Главным командиром Горного училища.

Нартов, как и большинство предшествующих президентов Берг-Коллегии, начинал службой в артиллерии, затем поступил в Берг-Коллегию, вначале членом, затем служил на посту вице-президента. Славился сочинительством. Написал «Медалистическую историю» со времен Петра, историю Екатерины II, Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Нартов был первым секретарем Императорского Вольного Экономического Общества, состоял президентом Императорской Российской академии и членом Императорской академии наук. «Вообще А. А. Нартов считался одним из просвещеннейших людей своего времени: остроумный, талантливый и ученый, он, кроме горных наук, занимался поэзией и литературой и хорошо знал иностранные языки, перевел несколько книг на русский язык».

«Краткий исторический очерк...» свидетельствует, что восстановление Берг-Коллегии и местных горных начальств отразилось благоприятно на деятельности заводов, они стали понемногу «поправляться в делах и делать больше дохода».

В 1798 г. вместо Нартова президентом Берг-Коллегии был назначен сенатор и тайный советник **Александр Васильевич Алябьев**. А. В. Алябьев служил в Преображенском полку, затем поступил в Мануфактур-Коллегию, был советником в Казенной Палате, Пермским вице-губернатором, «где весьма старался о развитии Горных промыслов», затем Тобольским и Астраханским губернатором.

В 1801 г. М. Ф. Соймонов ушел в отставку по состоянию здоровья, и управление Монетным Департаментом и Горным училищем также было поручено А. В. Алябьеву.

Деятельность **М. Ф. Соймонова** в целом характеризуется как одна из наиболее значительных в истории отечественного горного дела. К его заслугам, кроме учреждения Горного училища, восстановления Берг-Коллегии, улучшения казенных горных заводов, следует отнести очень важное начинание в последний период его деятельности, которое, на наш взгляд, следует считать первым шагом к государственной организации собственно геологической службы России. В царствование императора Павла Петровича, по предложению

М. Ф. Соймонова, «образованы и отправлены в разные места рудоискательские экспедиции, имевшие целью открытие новых месторождений и исследование России в минеральном отношении». Напомним, что ныне отмечаемый праздник Дня геолога приурочен к первому выходному дню апреля именно потому, что после него отправляются на весь полевой сезон поисково-съёмочные и разведочные партии геологов.

В 1802 г., при образовании министерств, Берг-Коллегия и все подчиненные ей структуры с Монетным Департаментом перешли во владение и распоряжение министра финансов, графа **Алексея Ивановича Васильева**, который ранее занимал должность государственного казначея.

Министр финансов не мог не обратить особого внимания на горную часть, которая, выражаясь словами рескрипта вошедшего к тому времени на престол Александра I, была «одним из важнейших источников государственного и народного богатства Российской империи и одной из обширнейших отраслей народной промышленности». Результатом его особой заботы о горной части были последовавшее новое реформирование.

Еще в 1802 г. по инициативе М. Ф. Соймонова, проектировавшего некоторые изменения в горном правлении, с горных заводов были представлены записки с предложениями по усовершенствованию. Они были подготовлены, в частности, главным начальником Екатеринбургского Горного правления А. С. Ярцевым под названием «Начертание Уральского хребта», главным начальником Гороблагодатских и Пермских заводов обер-берг-гауптманом Дерябиным и обер-гиттенфервалтером Бегером – по Сибири.

Был образован Комитет для рассмотрения записок, которому граф Васильев, решивший глубоко вникнуть в эту область производства, предложил разработать вопрос о наилучшем управлении горными заводами.

Мнение Комитета затем было рассмотрено в особой комиссии, в состав которой вошли товарищ министра, **граф Гурьев**, президент Берг-Коллегии и члены Комитета – действительный статский советник **Ярцев, М. Ф. Соймонов**, обер-берг-гауптман **Дерябин** и **Полторацкий** – член Олонецкого заводского правления.

Комиссия выработала главные принципы управления горными работами и основы Горного Положения, которые в докладе министра финансов с запиской Дерябина «Историческое описание горных дел в России с самых отдаленных времен до нынешних» были представлены государю и им утверждены.

По мнению комиссии, главной причиной, мешавшей улучшению заводского хозяйства, была зависимость горного начальства от гражданского и ограниченность власти местных заводских начальств. Вследствие этого комиссия предлагала, в частности, следующее:

– учредить горные города и, отделив все заводские селения от прочих, подчинить их горным городам под управлением горных начальств, не зависящих от гражданских ведомств;

– горный начальник должен быть полным хозяином завода, но на нем должна лежать и вся ответственность за состояние заводов, их производительность и совершенство выпускаемых изделий;

– образовать горные правления в Перми – для губерний Пермской, Вятской, Оренбургской и Казанской, а также в Москве – для заводов «внутри России»;

– поскольку, с учреждением Горных правлений, вся существовавшая власть Берг-Коллегии по управлению заводами должна была перейти к Горным правлениям, Берг-Коллегию закрыть и учредить в Санкт-Петербурге, при Министерстве финансов, какое-нибудь другое центральное правление горного дела.

При обосновании рекомендаций комиссия ссылалась также на опыт существования «горных городов» в Саксонии, Австрии, и в первую очередь, на реформы Петра, которые,

по сути, привели к созданию как отечественного горного города Екатеринбурга, так и опыту самостоятельного правления Колывановских и Нерчинских заводов.

Подготовленный таким образом проект Горного Положения в 1806 г. был утвержден Александром I для испытания его в течение пяти лет. После этого срока и дополнительного просмотра его планировалось оценить дополнительно и утвердить в окончательном виде. «Но, – констатирует “Краткий исторический очерк...” – по разным обстоятельствам, проект пересмотрен не был, а оставлен в действии, войдя в первое издание свода законов отдельными частями, образовав наиболее существенную часть горного законодательства».

Проект горного законодательства заключал в себе 943 статьи или параграфа. Он не только определял до деталей права и обязанности генерал-губернатора (в отношении к заводскому управлению), Горного правления, берг-инспектора, горных начальников и их помощников, но и содержал специальные подразделы о рудниках, о заводском хозяйстве, о школах на казенных заводах, об отставке и пенсиях «классных и нижних чинов» и рабочих, о богадельнях и госпиталях, «и медицинских чинах, о горных городах, о суде и лесах заводских».

Что касается частных заводов, проект Горного Положения оставлял им полную свободу во всем, относящемся до порядков их внутреннего управления, устанавливая лишь «надзор в общегосударственных целях» через особых чиновников, именованных заводскими исправниками.

Нам хочется обратить внимание на достоинство «Проекта Горного Положения», на которое в своих комментариях не обратил составитель «Краткого исторического очерка...» А. М. Лоранский. В этом документе, вероятно, впервые в законодательство России включены положения, преследующие рациональную разработку полезных ископаемых и охрану недр.

Эти новые для России идеи были высказаны еще в ходе подготовки Горного Положения после воцарения Александра I.

Вот выдержка из доклада Государственной Берг-Коллегии первого члена при президенте тайного советника графа **А. А. Мусина-Пушкина** (Полное собрание законов Российской Империи. 1-е изд. Т. 26. Ст. 20055. 1801):

«О разнице между заводским производством в России и при Горных городах в Германии, существующем в рассуждении оборотов капиталов заводских.

Во всех Российских рудопроизводствах обращается капитал, на оные употребляемый, в год, и приносит прибыль, от заводов ожидаемую, в то же самое время. Сей род заводского действия называется иностранцами *хищным рудопроизводством*; да и поистине заслуживает сие название: ибо мнимый от того прибыль хотя быстрым оборотом капиталов заводских и льстит завододержателям, но *не долговременное существование рудников от стремительного изъятия богатых руд*, истребление лесов, неуспешные запасы заводских материалов, обременение народа тяжелыми, а иногда и непомерными работами, бывают всегда скорым последствием такого рода рудопроизводства, оное требует при том годовые капиталы, большое количество народа, работающего за весьма дешевые цены, что не везде встречается».

(Напомним, что граф А. А. Мусин-Пушкин – русский ученый и государственный деятель, вице-президент Берг-Коллегии, с 1796 г. Почетный член Петербургской академии наук, член Лондонского королевского общества и других иностранных академий, с общепризнанными исследованиями в области химии и технологии платины и палладия, в 1800 г. открывший хромовые квасцы.)

Приведем некоторые выдержки из утвержденного в 1806 г. «Проекта Горного Положения», которые остаются актуальными в России даже сегодня, через 200 лет, применительно к различным важнейшим на сегодня видам полезных ископаемых (Полное собрание законов Российской Империи. 1-е изд. Т. 29. Ст. 22208, 22346):

«Но (так) как по медным заводам и золотым промыслам можно будет опасаться, чтобы Горный Начальник, для выказывания себя и даже для получения прибылей, не вынял вдруг лучших руд, то и с сей стороны приняты нужные предосторожности. Они... состоят в том, что Горные Начальники обязываются содержать всегда в готовности известные количества руд добытых и в рудниках в столбах, соразмерные употребленной им руде в течение года на получение металла. Так что при сохранении сих мер чем больше заводы в котором году дадут металла, тем больше правительство уверено, что рудники находятся в лучшем положении»;

«Главное в преобразовании Горного Начальства:

1. Основать Главные Горные Начальства как возможно ближе к заводам...»;

«...Относительно количества золота, назначаемого в ежегодную добычу...по представлению Начальника, предоставить ему добывать онаго столько, сколько более или менее благоприятствующие обстоятельства позволят, лишь бы цена оному не превышала установленной цены. *На начальство в особенности возлагать..., чтоб не столько за увеличением золота в добыче, сколько за исправлением рудников, за правильной оных разработкою, за удобнейшею добычею руд, за равною добычею руд богатых и убогих...за приготовлением годового запаса руд с хорошим содержанием, и наконец вообще за приведением сих промыслов в самое прочное положение на будущие времена, так и за уменьшением расходов на выделку золота».*

Однако вопрос о правах на недра земли остался в том же виде, в каком они были узаконены Екатериной II. Что касается горных промыслов на казенных землях, то Горное Положение приблизилось к тому, что хотел устроить Петр, – согласно Горному Положению, «... в землях казенных... всякому предоставить право искать руду».

Для облегчения участи рабочих вместо приписных крестьян Александр I «повелел образовать особый класс “непременных работников”, освободив приписных крестьян от всяких заводских работ вообще». В связи с этим вспоминают следующие его слова: «...в моем мнении никакие препятствия не могут и не должны существовать, если идет дело о страждущем человеке».

16 июля 1807 г. был открыт Горный Департамент при Министерстве финансов, в который должны были поступать все дела по горной части. Берг-Коллегия в связи с этим была закрыта.

В 1804 г. Горное училище было переименовано в Горный кадетский корпус, и последний президент Берг-Коллегии **А. И. Корсаков** был назначен его главным директором.

Горный Департамент подразделялся на Горный Совет и Горную Экспедицию, первый из которых рассматривал дела учредительские, законодательные, ученые, «искусственные и художественные», а вторая – хозяйственные, распорядительские и исполнительские.

Первым директором Горного Департамента был назначен «один из замечательных деятелей того времени **Г. С. Качка**, известный своими обширными и глубокими познаниями в горном деле, приобретенными преимущественно на практике, своею опытностью, честностью и твердым характером».

Он был сыном австрийского подданного Симона Качки, прибывшего в Россию при Петре I. Г. С. Качка родился на Урале. Начал служить на Алтае, на Змеиногорском руднике, штейгером, затем был отправлен в Петербург в Кабинет ЕИВ, где занимал разные должности, от пробирного ученика до управляющего Монетным Департаментом. С 1785 г. работал начальником Колывано-Воскресенских заводов, на которых, «после плохого управления Казенных Палат, довел выплавку серебра с 400 до 1000 пудов». Потом управлял Богословскими заводами на Урале, также улучшив производство, «присутствовал в Берг-Коллегии».

В 1811 г. вместо Горного Департамента был образован Департамент Горных и Соляных дел, объединивший «горную, монетную, пробирную и соляную части». Горный Совет был приравнен к Отделу Присутствия Департамента и сохранил наименование Горного Совета.

Незадолго до преобразования Горного Департамента Г. С. Качка был назначен сенатором, а директором Департамента Горных и Соляных дел стал **Андрей Федорович Дерябин**, «пользовавшийся громкой известностью, как горный законодатель, администратор и техник».

А. Ф. Дерябин, по окончании курса в Горном училище, сперва служил в Нерчинском округе, затем был направлен за границу усовершенствоваться в горно-заводских науках, а по возвращении был назначен членом Берг-Коллегии. В 1800 г. ему было поручено главное управление Кабинетскими (ЕИВ) заводами – Кольванскими и Нерчинскими, а также конторой по разделению золота и серебра. В 1801 г. Дерябина назначили начальником Гороблагодатских и Пермских заводов, затем управляющим Дедюхинским соляным Правлением, а в 1806 г. горным начальником Гороблагодатских, Камских и Богословских заводов (то есть практически всех уральских казенных горных заводов). Наконец, и при подготовке Горного Положения «не только история горного дела, но и большинство записок и докладов были составлены Дерябиным».

В 1811 г. должность директора Департамента была соединена с должностью директора Горного корпуса, и А. Ф. Дерябин управлял и тем и другим до 1817 г., «когда расстроенное здоровье заставило его совершенно оставить службу...» Его место занял **Евграф Ильич Мечников**.

Назначение Е. И. Мечникова, на наш взгляд, примечательно уже тем, что его послужной список характеризует его более как геолога или профессионала в том, что тогда внутри горного дела называлось искусством, нежели как горного инженера в прежнем понимании, которое включало, как обязательную, военную (как правило, артиллерийскую) подготовку.

Е. И. Мечников окончил курс в Горном корпусе, где затем преподавал минералогию и маркшейдерское «искусство». Затем он вел успешные разведочные работы на Урале, после чего, состоя в ведомстве Кабинета ЕИВ, был откомандирован к графу Мусину-Пушкину для минералогических исследований на Кавказ. Служил в должности экспедитора в Департаменте Министерства финансов по части Берг-Коллегии и Монетного Департамента, затем советником Горного Совета и начальником отделения Горного Департамента.

В конце своего царствования Александр I посетил горные заводы Урала, остался недоволен и поручил «известному горному деятелю того времени, Соймонову, составить записку о причинах неудовлетворительного действия заводов и о мерах к их устранению». Соймонов, указав на причины, советовал, однако, не устраивать на сей раз новый «совершенный переворот» в управлении, а устранить лишь «некоторые неудобства», высказав мнение отделить горную часть от Министерства финансов и дать ей полную самостоятельность. «Мысль эта сочувственно была принята Государем, но смерть Соймонова, а затем кончина самого Императора Александра I воспрепятствовали осуществлению задуманного преобразования...» – пишет А. М. Лоранский.

В 1824 г., после Е. П. Мечникова, «пожалованного в сенаторы», директором Горного Департамента был назначен **Егор Васильевич Карнев**.

Вклад Е. В. Карнева в развитие горного дела и геологии в России был, в известной мере, обусловлен особенностями его подготовки. В отличие от прежних глав высшей администрации по горной части, он не имел ни специального горного образования, ни опыта руководства горными работами. Он служил, в частности, директором Департамента Мануфактур и Внутренней торговли. Однако это «был человек высокого классического образования, замечательного трудолюбия и энергии». Он получил высшее образование в Московском университете, прекрасно знал языки, а с 1822 г. работал попечителем Харьковского учебного округа. Заслугой Карнева на посту директора Горного Департамента явились предпринятые меры, направленные на организацию горно-геологической науки.

В 1825 г., «по мысли Карнева», был учрежден Ученый Комитет, чему предшествовало удовлетворение ходатайства того же Карнева издавать от Горного Департамента «Горный Журнал», как собрание сведений о горном и соляном деле «с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящимся...» с особой задачей следить за успехами горных наук в Европе. Ученый комитет был образован при Горном кадетском корпусе и возглавлялся его директором. В задачу Ученого Комитета, помимо издания «Горного Журнала», входило рассмотрение различных проектов по горной и соляной частям. Ученый Комитет имел выборное начало, планировалось создание его ответвлений в заводских округах в виде Горных Обществ.

В период работы директором Департамента Е. В. Карнева значительно расширилась и оснастилась лаборатория Горного корпуса, а также образована при Горном корпусе горная аптека для снабжения медикаментами всех районов и подразделений горного и соляного ведомств.

В 1834 г. по инициативе самого императора Николая I и с его непосредственным участием и контролем была проведена новая реформа в высшей горной администрации, вызванная, как нам кажется, стремлением упрочить вертикали государственного (даже в определенной степени военизированного) управления и надзора во всей горной части.

Для «заведования распорядительной и искусственной частями горного, монетного и соляного производств... учреждался Корпус Горных Инженеров... и Министр Финансов назначен Главнначальствующим (Главнуправляющим) означенным Корпусом».

При Главнуправляющем состояли:

- начальник Штаба, являющийся его заместителем по ряду вопросов, руководителем инспекторской частью корпуса, и выполняющий особо важные дела согласно инструкции;
- несколько генералов и офицеров штаба для осмотров горных округов и других поручений.

Горный кадетский корпус (а с 1833 г. – Горный институт) при этом реформировании был переименован в Институт Корпуса Горных Инженеров, *переведен на военное устройство* и «по части общей и военного устройства *подчинен начальнику Штаба*».

Для подготовки горных механиков при Санкт-Петербургском Практическом технологическом институте была учреждена особая Горная техническая школа.

В обязанности начальника Штаба находились забота об инспекторской части, «особое попечение Горного института», где все чины определялись по его представлению, и осмотр заводов, где он должен был обращать внимание «...на их благоустройство, как по части ученой и административной, так и хозяйственной и, *особенно, военной*».

В Ученый Комитет Корпуса Горных Инженеров теперь «...назначалось известное число неперменных членов, утверждаемых в сем звании Высочайшей Властью... Бывшие члены Комитета остались в сем звании, но имели право участвовать в одних общих собраниях Комитета...; вновь же избираемые члены... утверждались... Главнуправляющим Корпусом Горных Инженеров. Председательствовали на совещаниях Комитета директор Департамента или начальник Штаба».

«Таким образом, при новом устройстве, – свидетельствует “Краткий исторический очерк...” – Ученый Комитет получил характер бюрократического учреждения; хотя выборное начало в нем и сохранилось, но выборные члены могли присутствовать только на общих собраниях, которые назначались весьма редко».

Горный Совет, согласно преобразованиям, возглавлялся главнуправляющим (министром финансов), а в его отсутствие – директором Департамента или начальником Штаба.

В 1837 г. при Корпусе Горных Инженеров был учрежден также Горный Аудиторат, в который должны были поступать на окончательную ревизию все военно-судные и следственные дела.

Первым начальником Штаба, которому, согласно перечисленному, отводилась ключевая роль в горной администрации, был назначен свиты его величества генерал-майор **Константин Владимирович Чевкин**, «бывший главным сотрудником Государя при произведенном преобразовании».

Из предшествующей биографии Чевкина историк Лоранский сообщает об окончании им Пажеского корпуса в 1822 г. и участии в ряде военных кампаний (в войнах с Персией, Турцией и Польской кампании), где он отличился.

К числу заслуг К. В. Чевкина в должности начальника штаба Корпуса Горных Инженеров относят, в частности, организацию экспедиции Мурчисона, де-Вернейля и Кейзерлинга по изучению геологического строения России и участие в осуществлении «Проекта учреждения системы метеорологических и магнитных наблюдений в различных местах Российской Империи, находящихся в зависимости от Горного Департамента», составленного академиком **Купфером** в 1834 г.

Сеть обсерваторий горного ведомства, руководимая Купфером, стала центром для сбора метеорологических данных по всей России. А. М. Лоранский пишет: «По словам Гумбольдта, нигде в Европе эта полезная отрасль физических наук не была развита в такой высокой степени, как в России...»

Согласно «Краткому историческому очерку...», большинство реформ по горному ведомству в период царствования Николая I и Александра II «... были произведены при непосредственном участии К. В. Чевкина и все важное предпринималось не иначе как с его совета». Это замечание, как и тот отмечавшийся факт, что последнее описанное реформирование было направлено на ужесточение дисциплины, надзора, а по духу укрепляло авторитаризм и бюрократию в горной части, объясняет то, что о деятельности сменившихся за четыре последующих десятилетия президентах Горного Департамента Е. П. Ковалевского, Ф. Ф. Бегера, И. А. Фуллона и А. Р. Гернгросса А. М. Лоранский сообщает очень немного.

Вместе с тем, например, общий послужной список **Евграфа Петровича Ковалевского**, находившегося на посту директора

Департамента с 1834 г. по 1843 г., заставляет сомневаться в том, что его роль в фундаментальных вопросах развития геологии и горного дела в России в этот период могла быть незаметной. Е. П. Ковалевский по окончании обучения в Горном корпусе работал в геологических экспедициях, первым сделал описание Донецкого горного кряжа, служил командиром Горного корпуса, Томским гражданским губернатором, главным начальником Алтайских заводов. После ухода с поста директора Департамента Горных и Соляных дел Е. П. Ковалевский был сенатором, попечителем Учебного Округа, министром народного просвещения, членом Государственного совета и некоторое время президентом Императорского Вольного Экономического Общества.

О **Федоре Федоровиче Бегере**, директоре Департамента в период с 1843 г. по 1849 г., уже упоминалось выше в связи с его непосредственным участием в разработке Горного Кодекса. Здесь, как и в отношении двух последующих директоров Департамента Горных и Соляных дел, мы имеем случай подчеркнуть деятельность, вероятно, совсем не менее важную, по руководству непосредственно заводами и промыслами Сибири и Севера России.

Ф. Ф. Бегер начал службу на Богословских заводах, затем, работая на разных должностях на Пермских заводах, дошел до управляющего заводами, был горным начальником Колывано-Воскресенских заводов, главным начальником алтайских горных заводов и Томским гражданским губернатором.

Предшествующая деятельность **Ивана Александровича Фуллона**, возглавлявшего Горный Департамент и Горный Аудиторат с 1849 по 1855 г., была связана преимущественно с Северными Олонецкими заводами и промыслами. Сменивший его на этом посту **Александр Родионович Гернгросс** также много служил на Урале, в Екатеринбурге, на Алтае – на Колы-

вано-Воскресенских заводах, возглавлял экспедиции по осмотру месторождений каменного угля и алебаstra в Олонецкой и Псковской губерниях.

Из законодательных актов по существу горного дела в эти четыре десятилетия, в связи со значительным расширением интереса к золотой промышленности, открытием новых месторождений золота в Восточной Сибири, на Урале и на Алтае, следует отметить издание Положения о частной золотопромышленности в Сибири и многочисленных связанных с этим уточняющих и дополняющих документах.

В начале царствования императора Александра II в 1855 г. Алтайские и Нерчинские заводы были переданы обратно Кабинету ЕИВ, «а вместе с тем в ведение Департамента Горных и Соляных Дел».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.